

ДЖОН ГРИШЭМ

ДЕЛО О ПЕЛИКАНАХ

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

Гришэм Джон
Дело о пеликанах

Моему редакционному совету: Рени, моей жене и неофициальному редактору, моим сестрам Бет Брайент и Уэнди Гришэм; моей теще Либ Джонс и моему другу и помощнику Биллу Балларду.

Глава 1

Он казался слишком немощным, чтобы устроить такой хаос. Однако то, что он видел за окном внизу, во многом происходило по его вине. И это было великолепно! В возрасте девяноста одного года он был парализован, прикован к инвалидной коляске и не мог обходиться без кислорода. Второй удар, случившийся с ним семь лет назад, чуть было не прикончил его, но, несмотря ни на что, Абрахам Розенберг был жив и даже с трубками в носу мог заткнуть за пояс любого из остальных восьми судей. Он был последним из могикан в суде, и сам факт его существования приводил в ярость толпу внизу.

Абрахам сидел в маленькой инвалидной коляске в кабинете на главном этаже здания Верховного суда. Шум усилился, и он подался вперед, вплотную прикинув к окну. Судья ненавидел полицейских, однако вид плотных рядов блюстителей порядка действовал на него успокаивающе. Они уверенно сдерживали пятидесятитысячную толпу, жаждавшую крови.

– Невиданная толпа, – прокричал Розенберг, указывая за окно. Он был почти глух. Его старший помощник Джейсон Клайн стоял сзади. Был первый понедельник октября – день открытия очередной сессии суда, традиционно ставший днем празднования Первой поправки. Славного празднования. Розенберг был взволнован. Для него свобода слова означала свободу бунта.

– Индейцы пришли? – спросил он громко.

Джейсон Клайн наклонился к его правому уху:

– Да!

– В боевой раскраске?

– Да! В полном боевом облачении.

– Они танцуют?

– Да!

Индейцы, чернокожие, белые, метисы, мулаты, женщины, представители сексуальных меньшинств, «зеленые», христиане,

активисты движения против аборт, нацисты, атеисты, охотники, защитники животных, белые и черные расисты, лесорубы, фермеры – это было огромное море протеста. Полиция готовилась приступить к делу.

– Индейцы должны любить меня!

– Я уверен в этом, – согласился Клайн и улыбнулся дряхлому старикашке, сжимавшему кулаки. Взгляды Розенберга были просты: правительство над бизнесом, личность над правительством, а над всем этим – окружающая среда и индейцы, которым следует давать все, чего им захочется.

Выкрики, молитвы, пение, причитания и вопли стали громче, и полиция плотнее сомкнула свои ряды. Толпа была больше и агрессивнее, чем в предыдущие годы. В последнее время обстановка в обществе накалилась. Преступность стала обычным явлением. В клиниках, где делались аборты, все чаще раздавались взрывы. На врачей нападали и зверски избивали. Один из них был убит в Пенсаколе. Заткнув рот и скрутив его до внутриутробного положения, преступники сожгли врача кислотой. Уличные потасовки происходили каждую неделю. Церкви и священники подвергались надругательствам и оскорблениям. Белые расисты действовали в составе десятка известных и тайных полувоенных организаций. Их нападения на чернокожих и латиноамериканцев становились все более дерзкими. Ненависть захлестнула Америку.

И Верховный суд, безусловно, был ее главным объектом. Число угроз судьям, а в расчет принимались только серьезные, увеличилось по сравнению с 1990 годом в десятки раз. Численность полицейской охраны Верховного суда была утроена. К каждому судье приставили не менее двух агентов ФБР. С полсотни других занимались расследованием угроз.

– Они ненавидят меня, не так ли? – громко спросил судья, уставившись в окно.

– Некоторые – да, – ответил Клайн, оживившись.

Розенберг был рад слышать это. Он усмехнулся и глубоко вздохнул. Восемьдесят процентов угроз было адресовано ему.

– Видишь какие-нибудь из таких плакатов? – спросил он, поскольку был почти слеп.

– Всего несколько.

– Что на них написано?

– Как обычно. «Смерть Розенбергу». «Розенберга в отставку». «Перекрыть кислород».

– Они размахивают этими чертовыми плакатами уже несколько лет. Почему бы им не придумать что-нибудь новенькое?

Помощник ничего не ответил. Эйбу уже давно следовало уйти в отставку, но, судя по всему, его вынесут отсюда на носилках. Основную часть работы по изучению дел выполняли три его помощника, однако Розенберг всякий раз настаивал на включении своего собственного мнения. Он делал это жирным фломастером, выводя каракули, как первоклассник, обучающийся письму. Работа продвигалась медленно, но он не беспокоился о времени, поскольку пост принадлежал ему пожизненно. Помощники проверяли его заключения и редко находили ошибку.

Розенберг хихикнул.

– Нам следовало бы отдать Рэнниена на съедение индейцам.

Главным судьей был Джон Рэнниен, твердолобый консерватор, назначенный республиканцами и вызывающий ненависть у индейцев и большинства других национальных меньшинств. Семеро из девяти судей были назначены президентами-республиканцами. Пятнадцать лет Розенберг ждал, когда в Белом доме появится демократ. Он хотел уйти со службы и нуждался в этом, однако не мог примириться с мыслью о том, что какой-нибудь правый, вроде Рэнниена, займет его любимое место.

А ждать он мог. Он мог сидеть здесь в своей инвалидной коляске, дышать кислородом и защищать индейцев, чернокожих, женщин, бедных и окружающую среду до тех пор, пока ему не исполнится сто пять лет. И ни один человек в мире не мог ничего поделать с этим,

разве что убить его. А это было бы не так уж и плохо. Великий судья клюнул носом и уронил голову на плечо. Он вновь заснул. Клайн тихо отошел и вернулся в библиотеку. Он возвратится через полчаса проверить кислород и дать Эйбу его таблетки.

Офис Главного судьи находится на этаже высших должностных лиц, он просторнее и изысканнее в своем оформлении, чем у остальных восьми судей. Его первый зал используется для небольших приемов и официальных собраний, во втором кабинете работает Главный.

Дверь в кабинет была закрыта. За ней находились Главный с тремя своими помощниками, капитан полиции Верховного суда, три агента ФБР и заместитель директора бюро Льюис К. О. В кабинете царил напряженная атмосфера. Собравшиеся старались не обращать внимания на шум, доносившийся с улицы. Это давалось им с трудом. Главный и Льюис обсуждали последнюю серию угроз, остальные внимательно слушали. Помощники вели записи.

За последние шесть дней бюро зарегистрировало рекордное число угроз, превысившее две сотни. Это был обычный набор посланий, угрожавших взорвать суд, однако во многих назывались конкретные имена, дела и случаи.

Рэнниен не скрывал своей обеспокоенности. Из секретной сводки ФБР он зачитывал имена лиц и названия организаций, от которых могли исходить угрозы: ку-клукс-клан, нацисты, палестинцы, черные сепаратисты, гомофобы. Даже ИРА. Казалось, что этот перечень включал всех, кроме членов клуба «Ротари» и бойскаутов. Ближневосточная группировка, за которой стоит Иран, выступила с угрозой пролить кровь на американской земле в отместку за смерть двух министров юстиции в Тегеране, хотя абсолютно никаких свидетельств того, что эти убийства связаны с США, не существовало. Новое террористическое формирование, получившее известность в стране под названием «Подпольная армия», совершило убийство федерального судьи в Техасе, подложив бомбу в автомобиль. Никто

не был арестован, хотя «Подпольная армия» заявила о своей причастности. Она фигурировала также в качестве основного подозреваемого в десятке дел о взрывах, однако веские улики о ее причастности отсутствовали.

– Как насчет пуэрто-риканских террористов? – спросил Рэнниен, не отрывая взгляда от бумаг.

– Слабоваты. Мы об этом не беспокоимся, – ответил Льюис не задумываясь. – Они угрожают уже двадцать лет.

– Так, может быть, пора и им предпринять что-нибудь? Обстановка вполне подходящая, как ты думаешь?

– Забудь о пуэрториканцах, Главный.

Рэнниен любил, когда его называли Главным. Не Главным судьей или господином Главным судьей, а просто Главным.

– Они угрожают просто потому, что все так делают.

– Очень забавно, – сказал Главный без тени улыбки, – очень забавно.

– Мне бы очень не хотелось, чтобы какая-то группа выпала из поля зрения. – Рэнниен бросил сводку на стол и потер виски. – Поговорим о мерах безопасности. – Он закрыл глаза.

Льюис положил свой экземпляр сводки на стол Главного.

– Директор считает, что нам следует приставить по четыре агента к каждому судье по меньшей мере на три ближайших месяца. По дороге на службу и со службы за ними должны следовать машины сопровождения. Страховать их и обеспечивать безопасность в этом здании будет полиция Верховного суда.

– Как насчет поездок?

– Пока от них лучше отказаться. Директор считает, что судьям следует оставаться в пределах федерального округа Колумбия до конца года.

– Кто из вас ненормальный, ты или он? Стоит мне только обратиться к коллегам с такой просьбой, как все они сегодня же вечером уедут из города на весь следующий месяц. Это абсурд, –

Рэнниен хмуро глянул на своих помощников, которые неодобрительно качали головами, – действительно абсурд.

Льюис безмолвствовал. Он ожидал этого.

– Как хотите. Это всего лишь предложение.

– Глупое предложение.

– Директор не рассчитывал на взаимопонимание с вашей стороны в этом вопросе. Однако он надеется, что его будут заранее уведомлять обо всех поездках, чтобы можно было принять меры безопасности.

– Имеется в виду, что вы собираетесь сопровождать каждого из судей всякий раз, когда он будет покидать город?

– Да, Главный. Таков наш план.

– Ничего из этого не получится. Эти люди не привыкли, чтобы с ними нянчились.

– Получится, сэр. Ведь они не привыкли и к тому, чтобы на них охотились. Мы лишь пытаемся защитить вас и ваших коллег, сэр. Безусловно, никто не говорит, что нам нечего делать. Я так понимаю, сэр, что это вы нас позвали. Мы можем уйти, если хотите.

Рэнниен подался в своем кресле вперед и занимался скрепкой для бумаг, разгибая и тщательно распрямляя ее.

– Что вы скажете о самом здании суда?

Льюис облегченно вздохнул и едва сдержал улыбку.

– Оно не вызывает у нас опасений, Главный. В нем легко осуществить меры безопасности. Мы не ожидаем здесь неприятностей.

– Тогда где же?

Льюис кивнул на окно. Шум увеличивался.

– Где-нибудь там. Улицы полны идиотов, маньяков и фанатиков.

– И все они ненавидят нас.

– Это очевидно. Послушайте, Главный, мы очень беспокоимся за судьбу Розенберга. Он по-прежнему отказывается впускать наших людей в свой дом, заставляя их просиживать ночи напролет в автомобиле на улице. Он позволяет своему любимчику из полиции

Верховного суда – как его зовут? – Фергюсону – сидеть у задней двери, снаружи, и то только с десяти вечера и до шести утра. В доме не бывает никого, кроме судьи Розенберга и его медика. Его дом не безопасен.

Рэнниен ковырял скрепкой под ногтями и едва заметно улыбался. Смерть Розенберга, какой бы она ни была, принесла бы только облегчение. Нет, она стала бы замечательным событием. Главному пришлось бы облачиться в траурное одеяние и произнести над гробом хвалебную речь, но, оказавшись за закрытыми дверями, он бы похихикал по этому поводу вместе со своими помощниками. Рэнниену нравилась такая мысль.

– Что вы предлагаете? – спросил он.

– Вы можете поговорить с ним?

– Я пытался. Я объяснял ему, что его ненавидят в Америке, вероятно, больше всех, что миллионы людей проклинают его каждый день и большинство из них предпочло бы видеть его мертвым, а его почта с угрозами в четыре раза больше, чем у всех нас, вместе взятых, и что он может стать легкой добычей убийцы.

– И что же? – отозвался Льюис после непродолжительного молчания.

– Велел мне поцеловать его в зад, а потом заснул.

Судебные исполнители сдержанно хмыкнули, а затем, поняв, что юмор здесь допускается, засмеялись и агенты ФБР.

– Так как же мы действуем? – спросил Льюис невозмутимо.

– Вы охраняете его как только можете. Запишите это и не беспокойтесь. Он не боится ничего, даже смерти, и если он не потеет от этого, то почему это должны делать мы?

– Потеет директор, поэтому потею и я, Главный. Все очень просто. Если с одним из вас, ребята, что-то случится, то не поздоровится и ФБР.

Главный резко качнулся в кресле. Доносившийся с улицы гвалт действовал на нервы. Совещание затянулось.

– Забудьте о Розенберге. Он, возможно, умрет во сне. Меня больше волнует Джейнсен.

– Джейнсен – это проблема, – заметил Льюис, шурша страницами.

– Я знаю об этом, – медленно произнес Рэнниен, – он постоянно ставит нас в неловкое положение. То он мнит себя либералом и голосует в половине случаев, как Розенберг, то становится белым расистом и выступает за отдельное обучение в школах. Затем он может вспылать чувствами к индейцам и захочет отдать им Монтану. Это все равно что иметь на руках слабоумного ребенка.

– Вы знаете, что он лечится от депрессии?

– Знаю, знаю. Он мне все рассказывает. Я для него как отец родной. Что из наркотиков он принимает?

– Прозак.

Главный ковырял под ногтями.

– Что насчет того тренера по аэробике? Он все еще путается с ней?

– Нет, Главный. Я не думаю, что он интересуется женщинами.

Льюис светился самодовольством. ФБР было известно кое-что другое. Взглянув на одного из своих агентов, он убедился в этом.

Рэнниен сделал вид, что не слышит его.

– Джейнсен сотрудничает с вами?

– Конечно, нет. Во многих отношениях он хуже Розенберга. Он позволяет следовать за ним до дома, в котором находится его квартира, а затем заставляет нас торчать на стоянке всю ночь. Он живет на седьмом этаже, запомните это. Мы не можем находиться даже в вестибюле. Это, по его словам, расстраивает соседей. Поэтому мы сидим в автомобиле. Существует десяток способов, чтобы войти в здание и выйти из него незамеченным, и это затрудняет охрану судьи. Он любит играть в прятки и все время тайком ускользает от нас, так что мы никогда не знаем, дома он или нет. Мы по крайней мере знаем, где Розенберг находится ночью. С Джейнсенем это невозможно.

– Великолепно. Если вы не можете уследить за ним, то как это сделает убийца?

Льюис не уловил юмора в сказанной фразе.

– Директор очень обеспокоен безопасностью судьи Джейнсена.

– Он не получает столько угроз, сколько другие.

– Шестой по количеству, сразу за вами, ваша честь.

– О! Так я на пятом месте?

– Да, сразу после судьи Маннинга. Он, кстати, с нами сотрудничает в полной мере.

– Он боится собственной тени, – сказал Главный, но затем добавил: – Мне бы не следовало говорить это. Я сожалею.

Льюис пропустил это мимо ушей.

– В действительности сотрудничество было достаточно хорошим, исключая Розенберга и Джейнсена. Судья Стоун много жалуется, но слушает нас.

– Он жалуется на всех, поэтому не принимайте это близко к сердцу.

– Куда, по вашим предположениям, ходит Джейнсен? – Льюис бросил взгляд на одного из своих агентов.

– Понятия не имеем.

Неожиданно огромная часть толпы загудела единым хором, к которому, казалось, подключились все находящиеся на улице. Главный не мог не замечать этого больше. Стекла в окнах дрожали. Он встал и объявил об окончании совещания.

Кабинет судьи Джейнсена находился на втором этаже, вдали от уличного шума. Это была просторная комната, хотя и самая маленькая из девяти. Как самому молодому из девяти судей, Джейнсену повезло, что у него был свой кабинет. При назначении на должность шесть лет назад, когда ему было сорок два года, его представляли как твердого конструктивиста с глубокими консервативными взглядами, схожими во многом с воззрениями человека, выдвинувшего его. Утверждение его кандидатуры в сенате

было похоже на избиение младенца. В юридическом комитете Джейнсен держался слабо, проявляя большие колебания по ключевым вопросам и получая пинки с обеих сторон. Республиканцы были смущены. Демократы предвкушали провал Джейнсена. Президент до хруста заламывал себе руки. Джейнсен был утвержден с перевесом в один неуверенный голос.

Но он добился этого поста на всю жизнь. За шесть лет он не угодил никому. Глубоко уязвленный слушаниями при назначении на должность, он поклялся найти поддержку и прочно утвердиться. Это разозлило республиканцев. Они почувствовали себя преданными, особенно когда он обнаружил в себе скрытое стремление отстаивать права уголовников. Без каких-либо идейных сомнений он быстро покинул правых, переместился к центру, а затем влево. После этого вместе с правоведами, почесывающими свои козлиные бородки, он шархнулся назад вправо и присоединился к судье Стоуну в одном из его наиболее отвратительных противостояний, где он выступал с антифеминистских позиций. Джейнсен не увлекался женщинами. Он был глух к просителям, скептически относился к свободе слова, сочувствовал протестующим против налогообложения, боялся чернокожих, был безразличен к индейцам, суров к порнобизнесу, мягок с преступниками и довольно последователен в защите окружающей среды. И, к дальнейшему неудовольствию республиканцев, отстаивавших его при утверждении на должность, Джейнсен продемонстрировал трогательную заботу о правах гомосексуалистов.

По его просьбе мерзкое дело Дьюмонда было передано ему. Рональд Дьюмонд прожил со своим напарником восемь лет. Они были счастливы, всецело преданы друг другу и были намерены делить все невзгоды жизни и дальше. Парочка даже хотела зарегистрировать свой брак, однако закон штата Огайо не допускал такого союза. Затем один из любовников подцепил СПИД и умер ужасной смертью. Рональд хотел похоронить его сам, однако тут вмешалась семья покойного и отстранила Рональда от похорон.

Рональд, впавший в отчаяние, подал на семью в суд за причинение ему эмоционального и психологического ущерба. Шесть лет дело кочевало по судам низших инстанций, а теперь оказалось на столе у Джейнсена.

На повестке дня стоял вопрос о «супружеских» правах представителей сексуальных меньшинств. Дело Дьюмонда стало боевым кличем для активистов этого движения. Одно только упоминание имени Дьюмонда приводило к уличным дракам.

И это дело вел Джейнсен. Дверь в его скромный кабинет была закрыта. Джейнсен и три его помощника сидели за столом для совещаний. Они потратили два часа, разбирая дело Дьюмонда, но так и не пришли ни к чему. Один из помощников, либерал из Корнуэлла, выступал за широкое предоставление неограниченных брачных прав представителям сексуальных меньшинств. Джейнсен также хотел этого, но не был готов в этом признаться. Два других помощника относились к этому скептически. Они знали, что собрать большинство в пять голосов будет невозможно. Знал это и Джейнсен.

Разговор перешел на другие дела.

– Главный ворчал на тебя, Глен, – сказал помощник из Дьюка. Наедине они звали его по имени. Слово «судья» в такой обстановке было несколько неуместным.

Глен потер глаза.

– Что еще он придумал?

– Один из его помощников дал мне знать, что Главный и ФБР обеспокоены твоей безопасностью. Говорят, что ты не идешь им в этом навстречу и что Главный сильно раздражен. Он просил меня передать тебе это.

Через систему помощников передавалось все. Абсолютно все.

– Он должен беспокоиться. Это его работа.

– Он хочет приставить еще двух фэбээровцев к тебе в качестве телохранителей, а они намерены получить доступ в твою квартиру.

Кроме этого, они собираются сопровождать тебя на службу и домой. Они намереваются также ограничить твои переезды.

– Я уже слышал это.

– Да, мы знаем. Но помощник Главного сказал, что шеф хочет, чтобы мы повлияли на тебя и убедили сотрудничать с ФБР в их стремлении спасти тебе жизнь.

– Я понимаю.

– Что мы и делаем.

– Благодарю. Возвращайтесь в канцелярию и передайте помощнику Главного, что вы не только воздействовали на меня, но и устроили мне скандал и что я оценил ваши старания и поднятый шум, но все это влетело мне в одно ухо и вылетело из другого. Скажите им, что Глен считает себя взрослым.

– Правильно, Глен. А ты не боишься?

– Ничуть.

Глава 2

Томас Каллаган был одним из наиболее популярных профессоров Тулейна в основном потому, что не начинал занятий раньше одиннадцати утра. Как и большинство его студентов, он много пил, и первые утренние часы были необходимы ему, чтобы отоспаться и прийти в себя. К девяти- и десятичасовым занятиям он питал отвращение. Его вызывающая манера носить выгоревшие джинсы и твидовые пиджаки с заплатами на локтях, пренебрегая носками и галстуками, также способствовала популярности и придавала ему эдакий либерально-академический шик. Ему было сорок пять, но темные волосы и очки в роговой оправе делали его тридцатипятилетним, несмотря на то что его совершенно не заботило, на сколько лет он выглядит. Брился он раз в неделю, когда начинался зуд, а в холодную погоду, что не было редкостью для Нового Орлеана, отпускал бороду. За ним числилось немало романов со студентками.

Каллаган пользовался популярностью еще и потому, что читал конституционное право – самый скучный, но обязательный курс. Будучи блестящим и экстравагантным преподавателем, он делал его действительно интересным. Никому другому в Тулейне не удавалось это. На самом деле за этот предмет никто больше не хотел браться, поэтому трижды в неделю приходилось сидеть в одиннадцать на конституционном праве у Каллагана.

Человек восемьдесят студентов расположились на задних рядах аудитории и перешептывались между собой, пока Каллаган, стоя перед кафедрой, протирал свои очки. Часы показывали пять минут двенадцатого, все еще слишком раннее время для него.

– Кто объяснит особую позицию Розенберга по делу Нэша в суде Нью-Джерси?

Все головы разом пригнулись, аудитория замерла. Его красные глаза говорили о сильном похмелье. Когда он начинал с Розенберга,

это обычно означало тяжелую лекцию. Добровольцев не нашлось.

– Нэш? – Каллаган медленно обводил аудиторию взглядом и ждал. Воцарилась мертвая тишина.

Громко щелкнувшая дверная ручка разорвала напряжение. Дверь быстро приоткрылась, и в нее элегантно проскользнула привлекательная молодая особа в тесных полинявших джинсах и простом свитере. Проплыв вдоль стены до третьего ряда, она виртуозно протиснулась между сидящими и уселась на свое место. Парни в четвертом ряду замерли от восхищения. Сидевшие в пятом вытянули шеи, чтобы бросить взгляд. Одним из немногих удовольствий этих двух кошмарных лет учебы в юридическом колледже была возможность видеть ее, грациозно порхающую на своих длинных ногах по залам и аудиториям в свободных свитерах, под которыми угадывалась невероятная фигура. Однако она была не из тех, кто выставляет себя напоказ. Она принадлежала к компании, где предпочтение отдавалось джинсам, фланелевым рубашкам и старым свитерам, которые они никогда бы не променяли на черную кожаную мини-юбку.

Она сверкнула улыбкой в сторону своего соседа, и на секунду Каллаган и его вопрос по делу Нэша были забыты. Ее темно-рыжие волосы спадали до самых плеч. Она была той очаровательной заводилой, в которую каждый из парней влюблялся не меньше двух раз в высшей школе и по крайней мере один раз в юридическом колледже.

Каллаган никак не отреагировал на ее появление. Была бы она испуганной первокурсницей, он, возможно, не преминул бы устроить ей разнос. К тому же расхожая профессорская поговорка гласила: «В суд никогда не опоздаешь». Но сейчас Каллаган был не в том настроении, когда устраивают нагоняи, да и Дарби Шоу не боялась его. В его голове мелькнул вопрос: а не знает ли кто-нибудь, что он спит с ней? Скорее всего нет. Она настояла на сохранении их отношений в полной тайне.

– Читал ли кто-нибудь особое мнение Розенберга по делу Нэша?

Поднятая рука могла означать получасовой допрос «с пристрастием». Желавших не было. В заднем ряду закурили. Большинство делали вид, что пишут. Все головы были опущены. Искать дело Нэша в справочнике было поздно и рискованно. Любое шевеление могло привлечь внимание. Кто-то вот-вот должен был стать жертвой.

Нэша не было в учебнике. Это было одно из десятка незначительных дел, о котором Каллаган вскользь упомянул с неделю назад, а теперь ему не терпелось узнать, ознакомился ли кто-нибудь с ним. Он был знаменит этим. Его итоговый экзамен охватывал двенадцать сотен дел, о тысяче из которых в учебнике не упоминалось ни слова. Экзамен был кошмаром. Однако Каллаган вел себя как настоящий душка, который не скупится на оценки. И только редкий тупица заваливался у него на экзамене.

Но в настоящий момент он не казался душкой. Оглядев аудиторию, он решил, что пора избрать жертву.

– Так как насчет этого дела, Сэллинджер? Можете ли вы объяснить особое мнение Розенберга?

С четвертого ряда мгновенно последовал ответ Сэллинджера:

– Нет, сэр.

– Понятно. Может ли это означать, что вы не читали особого мнения Розенберга?

– Может, сэр.

Каллаган пристально смотрел на него. Надменный взгляд его красных глаз становился все более угрожающим. Видел это только Сэллинджер, поскольку все остальные не поднимали головы от конспектов.

– И почему же вы не читали?

– Потому, что я вообще стараюсь не читать особых мнений. Особенно Розенберга.

Глупее не придумаешь. Сэллинджер был намерен отбиться, однако ему явно не хватало аргументов.

– Вы имеете что-то против Розенберга, Сэллинджер?

Каллаган благоговел перед Розенбергом и боготворил его. Он прочитывал все об этом человеке и тщательно изучал его мнения. Он даже обедал с ним однажды.

Сэллинджер нервно заерзал.

– О нет, сэр. Я просто не люблю особых мнений.

Ответы Сэллинджера были с юмором, но у присутствующих не мелькнуло и тени улыбки. Позднее, за кружкой пива, он и его дружки будут покатываться от смеха, вновь и вновь вспоминая Сэллинджера и его нелюбовь к особым мнениям, особенно Розенберга. Но не сейчас.

– Я понимаю. А мнения большинства вы читаете?

Сэллинджер колебался с ответом. Его жалкая попытка выстоять в этом поединке вот-вот должна была закончиться унижительным поражением.

– Да, сэр. Очень многие из них.

– Великолепно. Тогда поясните, если можете, мнение большинства по делу Нэша.

Сэллинджер никогда не слышал о деле Нэша, но теперь он будет помнить его все оставшиеся годы своей юридической карьеры.

– Я не думаю, что я читал о нем.

– Таким образом, вы не читаете особых мнений, Сэллинджер, а теперь мы узнаем, что вы также игнорируете мнения большинства. Так что же вы читаете, Сэллинджер, романтические повести, бульварные газетки?

С задних рядов доносились легкие смешки. Это хихикали те, кто чувствовал себя обязанным смеяться, но в то же время боялся привлечь к себе внимание.

Сэллинджер с покрасневшим лицом стоял, уставившись на Каллагана.

– Почему вы не читали этого дела, Сэллинджер? – грозно потребовал ответа Каллаган.

– Я не знаю. Я, наверное, просто пропустил его.

Каллаган воспринял это спокойно.

– Я не удивлен. Я упоминал о нем на прошлой неделе. Если точно, то в среду. Оно будет вынесено на итоговый экзамен. И я не понимаю, как можно игнорировать дело, которое вы встретите на экзамене.

Каллаган размеренно вышагивал перед кафедрой, изучая взглядом студентов.

– Кто-нибудь побеспокоился о том, чтобы прочесть его?

Тишина. Каллаган уставился себе под ноги, доводя тишину до гробовой. Все глаза были опущены, ручки и карандаши замерли. Дым валом валил с задних рядов.

Наконец с четвертого места в третьем ряду медленно поднялась рука Дарби Шоу, и аудитория вздохнула с облегчением. Она вновь их спасла. Все втайне на это и рассчитывали. Имея вторые показатели на курсе и находясь в непосредственной близости от первого студента, она могла по памяти сыпать факты, выдержки, совпадающие и несовпадающие мнения почти по каждому делу, которые обрушивал на их головы Каллаган. Она не упускала ничего. Очаровательная маленькая заводила, она с блеском окончила факультет биологии, а теперь намеревалась таким же образом получить диплом юриста, чтобы затем прекрасно существовать, преследуя судебным порядком химические компании, отравляющие окружающую среду.

Каллаган смотрел на нее с поддельным разочарованием. Три часа назад она ушла из его квартиры после бурной ночи с вином и юриспруденцией. Однако про дело Нэша он не упоминал.

– Так, так, мисс Шоу. Чем же недоволен Розенберг?

– Он считает, что законодательный акт штата Нью-Джерси нарушает Вторую поправку, – сказала она, не глядя на профессора.

– Хорошо. И поясните для остальной аудитории, что предусматривает этот акт.

– Среди прочего он запрещает иметь полуавтоматическое оружие.

– Прекрасно. А что имел в момент ареста Нэш? Я это спрашиваю просто для разрядки.

– Автомат АК-47.

– И что случилось с Нэшем?

– Он был привлечен к суду, приговорен к трем годам тюремного заключения и подал апелляцию.

Она знала подробности дела.

– Чем занимался Нэш?

– Определенное мнение по этому вопросу отсутствует, однако в деле фигурирует дополнительное обвинение его в причастности к сбыту наркотиков, хотя полиция на момент ареста не располагала соответствующими доказательствами.

– Таким образом, он был торговцем наркотиками и вдобавок располагал автоматом АК-47. И при этом имел защитника в лице Розенберга, не так ли?

– Да, конечно. – Теперь она смотрела на него.

Напряжение спало. Большинство глаз следило за тем, как он, медленно расхаживая по аудитории, высматривал очередную жертву. Чаще всего на вопросы во время лекций отвечала Дарби, а Каллаган хотел более широкого участия других студентов.

– Почему, по вашему мнению, Розенберг сочувствует Нэшу?

– Он любит торговцев наркотиками. – Это был Сэллинджер, поверженный, но все еще пытающийся иронизировать.

Каллаган одобрял дискуссии на лекциях. Он призывно улыбнулся своей жертве, словно поощряя ее к тому, чтобы продолжить поединок.

– Вы так считаете, Сэллинджер?

– Безусловно. Торговцев наркотиками, растлителей несовершеннолетних, незаконных обладателей оружия, террористов. Розенберг просто восхищается этими людьми. Они его слабые и обиженные дети, поэтому он должен защищать их. – Сэллинджер пытался продемонстрировать праведное негодование.

– А как следует поступать с этими людьми, по вашему просвещенному мнению, господин Сэллинджер?

– Очень просто. Сначала справедливый суд с участием хорошего адвоката, затем быстрое и тщательное рассмотрение апелляции и после этого наказание, если они виновны.

Слова Сэллинджера звучали совсем как у добропорядочного правого, что считалось непростительным грехом среди студентов Тулейна.

Каллаган скрестил руки на груди.

– Продолжайте, пожалуйста.

Сэллинджер почуял западню, но продолжал идти напролом. Терять ему было нечего.

– Я имею в виду, что мы неоднократно встречали дела, в которых Розенберг пытался перекроить конституцию и создать лазейки для того, чтобы, исключив основания, позволить заведомо виновному подзащитному оправдаться подчистую. Это отвратительно. Он считает тюрьмы неоправданной жестокостью по отношению к человеку, поэтому согласно Восьмой поправке все заключенные должны быть освобождены. Слава Богу, что он находится сейчас в меньшинстве, а вскоре может оказаться в одиночестве.

– Вам нравится постановление суда, Сэллинджер? – Каллаган одновременно улыбался и хмурился.

– Чертовски.

– Вы один из тех нормальных, патриотически настроенных средних американцев, которые желают ему смерти во сне?

В аудитории раздались смешки. Сейчас можно было смеяться без опаски. Сэллинджер знал, что честно лучше не отвечать.

– Я бы не пожелал этого никому, – пролепетал он в полном смущении.

Каллаган вновь мерил шагами аудиторию.

– Ну что ж, спасибо вам, господин Сэллинджер. Мне всегда доставляют удовольствие ваши комментарии. Вы, как обычно, изложили нам взгляд непрофессионала на юриспруденцию.

Смех стал громче. Щеки Сэллинджера запылали, и он плюхнулся на свое место. Каллаган оставался невозмутимым.

– Мне бы хотелось поднять интеллектуальный уровень этой дискуссии. Давайте, мисс Шоу, объясните, почему Розенберг сочувствует Нэшу.

– Вторая поправка предоставляет людям право иметь и носить оружие. Для судьи Розенберга это положение является буквальным и абсолютным. Ничто не должно запрещаться. Если Нэш хочет иметь АК-47, или ручную гранату, или базуку, штат Нью-Джерси не может принять закон, запрещающий это.

– Вы согласны с ним?

– Нет, и я не одинока в этом. Решение принято восемью голосами против одного. Никто не поддержал его.

– Чем руководствовались остальные восемь судей?

– Их довод вполне очевиден. Штаты имеют веские причины для запрещения торговли и владения некоторыми типами оружия. Интересы штата Нью-Джерси перевешивают права Нэша, предоставляемые Второй поправкой. Общество не может позволить своим членам владеть сложным вооружением.

Каллаган смотрел на нее внимательно. Привлекательные студентки на юридическом факультете Тулейна были редкостью, но когда такая появлялась, он не упускал случая, чтобы заняться ею. Последние восемь лет он почти не знал неудач в этом деле. В большинстве случаев оно было простым. Девушки прибывали в колледж уже раскрепощенными и свободными. Дарби же была иной. Впервые он заметил ее в библиотеке во втором семестре на первом курсе, и ему понадобился целый месяц, чтобы уговорить ее поужинать с ним.

– Кто изложил мнение большинства?

– Рэнниен.

– И вы согласны с ним?

– Да, это совсем простое дело.

– Тогда что же случилось с Розенбергом?

– Я думаю, что он ненавидит остальной состав суда.

– Он что, выступает с особым мнением лишь из сварливости?

– Зачастую да. Его мнения все чаще оказываются необоснованными. Возьмем дело Нэша. Для такого либерала, как Розенберг, вопрос о контроле над оружием является простым. Он должен был излагать мнение большинства. И десять лет назад он так бы и поступил. В деле Фордуса, рассматривавшемся в 1977 году в суде штата Орегон, он прибегнул к гораздо более узкому толкованию Второй поправки. Его непоследовательность становится досадной.

Каллаган пропустил мимо ушей упоминание о деле Фордуса.

– Вы хотите сказать, что Розенберг впадает в старческий маразм?

Побитый в первом раунде Сэллинджер бросился в последнюю схватку:

– Он чокнулся, и вы знаете это. Его мнение невозможно обосновать.

– Не всегда, и потом он все еще там, в Верховном суде.

– Его тело там, а мозг уже умер.

– Он дышит, Сэллинджер.

– Да, дышит, с помощью аппарата. Им приходится накачивать его кислородом через нос.

– Тем не менее, Сэллинджер, он последний из величайших юристов, и он все еще дышит.

– Вы бы сначала зашли и убедились в этом.

С этими словами Сэллинджер опустился на свое место. Он сказал достаточно. Нет, он сказал слишком много. Голова его склонилась под пристальным взглядом профессора. «Зачем я говорил все это?» – думал он, уткнувшись носом в конспект.

Каллаган еще некоторое время смотрел на его опущенный затылок, а затем начал мерить шагами аудиторию. Это действительно было тяжелое похмелье.

Глава 3

В соломенной шляпе, в чистом комбинезоне, аккуратно выглаженной рубашке-хаки и сапогах он выглядел по меньшей мере как старый фермер. Он жевал табак и выплевывал его в черную воду под пирсом. Этим он тоже напоминал фермера. Его пикап хотя и был последней моделью, но уже повидал виды на пыльных проселочных дорогах. Пикап имел номерные знаки штата Северная Каролина и стоял в нескольких десятках метров на песчаном берегу у другого конца пирса.

Была полночь. Наступил первый понедельник октября. Следующие тридцать минут он будет ждать в темной прохладе безлюдного пирса, задумчиво жуя табак и пристально вглядываясь в море. Он знал заранее, что будет находиться здесь один. Так предусматривалось планом. Пирс в этот час всегда был пустынным. Свет фар случайных машин изредка мелькал вдоль побережья, но это было обычным явлением для этих мест.

Вдали от берега виднелись красные и синие огни канала. Не поворачивая головы, он глянул на часы. Низко висели плотные тучи, и разглядеть что-либо было трудно, пока это что-то не окажется у самого пирса. Так предусматривалось планом.

Пикап, как и сам фермер, прибыли не из Северной Каролины. Номерные знаки были сняты с разбитого грузовика на свалке возле Дарема, а сам пикап был угнан из Батон-Руж. Фермер же вообще был ниоткуда и тем более не был связан с этими кражами. Он был «профи», и эти мелкие делишки обделал кто-то другой.

Прошло двадцать минут, и в море появился темный предмет, двигавшийся по направлению к пирсу. Приглушенный звук работающего двигателя становился громче. Предмет превратился в небольшой плотик с малозаметной фигурой человека, низко склонившегося над мотором. Фермер не шелохнулся. Гудение

мотора прекратилось, и плотик замер в десяти метрах от пирса. Даже случайные фары автомобилей не нарушали темноту ночи.

Фермер осторожно прикурил сигарету, дважды затянулся и щелчком отбросил ее вниз к плотнику.

– Какие сигареты? – спросил находившийся на воде. Он мог видеть очертания фигуры фермера у перил, но не его лицо.

– «Лаки страйк», – ответил фермер.

«Эти пароли превращают происходящее в глупую игру, – подумал он, – сколько еще черных резиновых плотов может вынырнуть из Атлантики именно в этот час и именно у этого заброшенного пирса? Глупо, но зато как значительно».

– Льюк? – донеслось с плотика.

– Сэм, – сказал фермер.

Не важно, что его звали Камель, а не Сэм. На ближайшие пять минут, пока он причалит свой плот, больше подойдет «Сэм».

Ничего не ответив, поскольку от него этого не требовалось, Камель быстро запустил двигатель и повел плотик вдоль края пирса к берегу. Льюк следовал за ним по настилу. Они сошлись у пикапа без рукопожатия. Камель поставил свою черную спортивную сумку «Адидас» на сиденье между ними, и пикап рванулся вдоль побережья.

Льюк вел автомобиль, а Камель курил. И оба они старались не замечать друг друга. Даже их глаза избегали встречи. Густая борода, темные очки и черный свитер, доходящий до подбородка, делали лицо Камеля зловещим и неузнаваемым. Льюк не имел желания рассматривать это лицо. Помимо того чтобы принять его из объятий моря, заданием предписывалось воздерживаться от разглядывания внешности прибывшего. И не случайно. Это лицо разыскивалось в девяти странах. Проезжая мост в Монтео, Льюк прикурил еще одну сигарету «Лаки страйк» и пришел к выводу, что они уже встречались. Это была короткая, точно рассчитанная по времени встреча в аэропорту Рима пять или шесть лет назад. Она происходила в комнате отдыха. Льюк, в то время американский чиновник в

безупречно сшитом костюме, поставил «дипломат» из кожи нерпы у стены рядом с раковиной, где незнакомец не спеша мыл руки. Неожиданно «дипломат» исчез. Он поймал отражение мужчины, которым был Камель – сейчас он знал это точно, – в зеркале. Тридцатью минутами позднее «дипломат» взорвался между ног английского посла в Нигерии.

Осторожные разговоры в невидимом окружении Льюка часто доносили до него имя Камеля – человека-убийцы со множеством фамилий, лиц и языков, который наносил молниеносные удары и бесследно исчезал; имя убийцы, который скитался по всему свету, но которого нигде не могли схватить. Двигаясь в темноте на север, Льюк откинулся на спинку сиденья и прикрыл лицо полями шляпы, стараясь вспомнить слышанные им когда-то рассказы о своем пассажире. Поражающие воображение террористические акты. Среди них – убийство английского посла. Попавшие в ловушку на Западном берегу в 1990 году семнадцать израильских солдат были отнесены на счет Камеля. Он был единственным подозреваемым в убийстве в 1985 году богатого немецкого банкира и его семьи в результате взрыва бомбы в их автомобиле. По слухам, его гонорар за это составил три миллиона наличными. Наиболее прозорливые специалисты считали, что попытку покушения на жизнь папы римского в 1981 году организовал он. Затем Камелю стали приписывать почти все нераскрытые террористические нападения и убийства. Его легко было обвинять потому, что никто не был уверен в том, что он существовал.

Льюка охватило возбуждение. Камель был готов развернуться на американской земле. Его цели оставались неизвестными для Льюка, но он знал, что вот-вот прольется чья-то благородная кровь.

На рассвете пикап остановился на углу Тридцать первой авеню в Джорджтауне. Камель сгреб свою спортивную сумку и, ничего не сказав, вышел из машины. Пройдя несколько кварталов до отеля «Фор сизонз», он купил в холле «Пост» и с беззаботным видом

поднялся на лифте на седьмой этаж. Точно в семь пятнадцать он постучал в дверь в конце коридора.

– Да? – отозвались нервно изнутри.

– Я ищу мистера Шнеллера, – медленно сказал Камель на безупречном американском наречии, закрыв пальцем глазок двери.

– Мистера Шнеллера?

– Да. Эдвина Ф. Шнеллера.

Дверная ручка не шевельнулась и не щелкнула. Дверь оставалась закрытой. Прошло несколько секунд, и из-под нее показался белый конверт. Камель поднял его.

– О'кей, – сказал он достаточно громко, чтобы Шнеллер или кто бы там ни был расслышал его.

– Это следующая дверь, – произнес Шнеллер, – я буду ждать вашего звонка.

Он говорил как американец. В отличие от Льюка он никогда не видел Камеля и не имел никакого желания делать это. Льюк видел его уже дважды и мог считать себя счастливым, что остался жив.

В номере Камеля стояли две кровати и маленький столик у окна. Шторы были плотно закрыты и не пропускали солнечного света. Поставив спортивную сумку на одну из кроватей рядом с двумя объемистыми чемоданами, он прошел к окну и выглянул на улицу, затем подошел к телефону.

– Это я, – сказал он в трубку Шнеллеру. – Расскажите мне про машину.

– Она стоит на улице. Белый «форд» с номерными знаками Коннектикута. Ключи на столе, – медленно сообщал Шнеллер.

– Краденый?

– Конечно, но обработанный и чистый.

– Я оставлю его в Далласе, вскоре после полуночи. Я хочу, чтобы он был уничтожен, о'кей? – Его английский был безупречен.

– Да. Я имею такие указания, – быстро и с подобострастием ответил Шнеллер.

– Это очень важно, о'кей? Я собираюсь бросить пушку в машине. Пушки оставляют после себя пули, а машины засвечиваются среди людей, поэтому важно полностью уничтожить автомобиль и все в нем находящееся. Понятно?

– Я имею такие указания, – повторил Шнеллер, не оценив эту лекцию, поскольку не был новичком в мокрых делах.

Камель сел на край кровати.

– Четыре миллиона получены неделю назад, с опозданием на один день, смею заметить. Сейчас я в Колумбии, поэтому хочу получить следующие три.

– Они будут переведены до полудня. Таков был договор.

– Да, но я сомневаюсь в этом. Вы опоздали на день, помните?

Это вызвало раздражение у Шнеллера, и поскольку наемный убийца находился в другой комнате и не собирался появляться из нее, он мог позволить этому раздражению прорваться наружу.

– Это вина банка, а не наша.

Теперь разозлился Камель.

– Прекрасно. Я хочу, чтобы вы и ваш банк перевели три миллиона на счет в Цюрихе, как только в Нью-Йорке начнется рабочий день. Это будет примерно через два часа. Я проверю.

– О'кей.

– И я не хочу иметь никаких проблем, когда работа будет закончена. Через сутки я буду в Париже и оттуда отправлюсь прямо в Цюрих. Мне бы хотелось, чтобы деньги ждали меня там.

– Они будут там, если дело будет сделано.

Камель усмехнулся про себя.

– Дело будет кончено к полуночи, мистер Шнеллер, если ваша информация верна.

– На настоящий момент она верна. И сегодня никаких изменений не предвидится. Наши люди находятся на местах. Все, что вы просили, в чемоданах: карты, схемы, расписания, инструменты и приспособления.

Камель взглянул на чемоданы позади себя и потер глаза рукой.

– Мне нужно поспать, – пробурчал он в трубку, – я не спал целые сутки.

Шнеллер не нашелся что ответить. У них было достаточно времени, и если Камель хочет поспать, он может это сделать. Несмотря на то что они платили ему десять миллионов.

– Может быть, вы хотите есть? – спросил Шнеллер неловко.

– Нет. Позвоните мне через три часа, ровно в десять тридцать.

Он положил трубку и вытянулся на кровати.

На второй день сессии суда улицы опустели и притихли. Судьи слушали бесконечные выступления адвокатов по различным делам. Большую часть их Розенберг спал. Он ненадолго возвратился к жизни только тогда, когда главный прокурор из Техаса взялся утверждать, что некий приговоренный к смертной казни заключенный должен быть вначале приведен медициной в состояние здравого рассудка, прежде чем ему сделают смертельную инъекцию.

– Если он душевнобольной, то как можно подвергать его смертной казни? – спросил Розенберг озадаченно.

– Очень просто, – сказал тexasский прокурор, – его заболевание поддается лечебному воздействию, поэтому ему делают небольшой укол, чтобы привести в здравый ум, а затем делают другой укол, чтобы убить. Все прекрасно и в соответствии с конституцией.

Розенберг возмущался и куражился какое-то время, а затем стал скисать. Его маленькое кресло-коляска было гораздо ниже массивных кожаных тронов его коллег. И он в нем имел довольно жалкий вид. Когда-то он был тигром, безжалостно устрашавшим и вившим веревки даже из самых изворотливых адвокатов. Но все это было в прошлом. Теперь же он перешел на несвязное бормотание и вскоре отключился вовсе. Главный прокурор бросил на него насмешливый взгляд и продолжил свою речь.

В ходе последнего в этот день слушания по безнадежному делу о десегрегации Розенберг начал похрапывать. Главный судья Рэнниен

свирепо глянул вниз, и Джейсон Клайн, старший помощник Розенберга, понял намек. Он медленно выкатил коляску из зала суда и быстро повез ее по служебному коридору.

Судья пришел в себя в своем кабинете. Он принял таблетки и сообщил своим помощникам, что хочет домой. Клайн проинформировал об этом ФБР, и через некоторое время Розенберга вкатили в его фургон, стоящий в подвале. За погрузкой наблюдали два агента ФБР. Медицинский сотрудник по имени Фредерик закрепил коляску, а сержант Фергюсон из полиции Верховного суда сел за руль. Судья не позволял агентам ФБР находиться рядом с собой, они могли следовать за ним в своем автомобиле, наблюдать за его городским домом с улицы и радоваться, что им разрешается хотя бы это. Он не доверял копам, а еще больше агентам ФБР. Ему не нужна была защита.

На Вольта-стрит в Джорджтауне фургон притормозил и чуть проехал назад по короткому подъездному пути к дому. Фредерик и Фергюсон осторожно выкатили коляску из машины. Агенты наблюдали за ними с улицы из своего черного служебного «доджа». Лужайка перед домом была крохотной, и их автомобиль находился в считанных метрах от передней двери. Было почти четыре часа дня.

Как было заведено, через несколько минут появился Фергюсон и заговорил с агентами. Неделей раньше, после предварительных долгих дебатов, Розенберг сдался и разрешил Фергюсону без какого бы то ни было шума осматривать каждую комнату наверху и внизу во время его ежедневных посещений во второй половине дня. После этого Фергюсон должен был покинуть дом и возвратиться в десять вечера, чтобы находиться у черного хода снаружи ровно до шести утра. Никто, кроме Фергюсона, не допускался к этому, и это выматывало полицейского.

– Все отлично, – сказал он агентам. – Я думаю, что к десяти вернусь.

– Он все еще жив? – Один из агентов задал ставший уже обычным вопрос.

– Боюсь, что да. – Фергюсон выглядел уставшим, когда садился в фургон.

Фредерик был рыхлым и слабым, но ему не нужна была сила, чтобы ухаживать за своим пациентом. Поправив подушки, он перенес его на диван, где Розенберг будет дремать и смотреть Си-эн-эн в течение следующих двух часов. Сделав себе бутерброд с ветчиной и взяв тарелку с печеньем, Фредерик просматривал «Нэшнл инкуайэр» за кухонным столом. Розенберг громко пробормотал что-то и переключил каналы с помощью пульта дистанционного управления.

Ровно в семь Фредерик подал ему на обед куриный бульон, вареный картофель и тушеный лук – пищу паралитиков, аккуратно расставив тарелки на столе, и подкатил к нему своего подопечного. Розенберг настаивал на приемах пищи, и это было огорчительно. Фредерик смотрел телевизор. Посудой он займется позже.

К девяти Розенберг был помыт, переодет в ночную рубашку и уложен под одеяла. Кроватью ему служила узкая светло-зеленая жесткая госпитальная койка армейского образца с подъемником и кнопочным управлением. Кровать имела откидные борта, которые были опущены по настоянию Розенберга. Она стояла в комнате, расположенной за кухней и использовавшейся в течение тридцати лет, до первого паралича, в качестве малого кабинета. Теперь кабинет был превращен в больничную палату, пропахшую карболкой и надвигающейся смертью. Рядом с кроватью стоял большой стол с госпитальной лампой и по меньшей мере двумя десятками баночек с таблетками. Толстые и тяжелые фолианты по юриспруденции были аккуратно расставлены по всей комнате. У стола, рядом с Розенбергом, сидел Фредерик, выполнявший роль сиделки, и читал ему очередное дело. Он будет совершать этот ежевечерний ритуал до тех пор, пока не услышит похрапывание. Он читал медленно и громко. Розенберг лежал без движения. Он слушал. По этому делу ему предстоит формулировать мнение большинства, поэтому он впитывал каждое слово, пока...

Через час Фредерик устал от громкого чтения, а судья начал погружаться в сон. Слегка шевельнув рукой, он с помощью кнопки на кровати уменьшил свет и закрыл глаза. В комнате стоял полумрак. Фредерик подался назад и откинул спинку кресла. Положив том дела на пол, он тоже закрыл глаза. Розенберг похрапывал. Вскоре его похрапывание прекратится.

Сразу после десяти, когда в доме царили темнота и покой, дверь туалета в спальне на втором этаже слегка приоткрылась, и из нее выскользнул Камель. Его напульсники, нейлоновая кепка и спортивные шорты были ярко-синего цвета, рубашка с длинными рукавами, носки и кроссовки – белые с золотистой отделкой. Цвета сочетались очень удачно. Камель-джоггер. Он был чисто выбрит, а его коротко подстриженные волосы под кепкой стали теперь почти белыми.

В спальне, как и в холле, было темно. Ступеньки под кроссовками слегка поскрипывали. При росте 175 см и весе менее 70 кг он был подтянут и легок, движения его отличались быстротой и бесшумностью. Ступеньки заканчивались в прихожей рядом с входной дверью. Он знал, что в автомобиле у обочины находятся два агента, которые скорее всего не смотрят сейчас за домом. Ему было известно, что Фергюсон прибыл семь минут назад. Он мог слышать похрапывание в дальней комнате. Прячась в клозете, Камель подумывал над тем, чтобы нанести удар до прибытия Фергюсона, а самого полицейского не трогать. С убийством как таковым проблем не было, просто появилась другая фигура, о которой необходимо было побеспокоиться. Однако он ошибочно предположил, что Фергюсон, возможно, заходит с проверкой в дом при заступлении на дежурство. Если это так, он обнаружит результаты побоища, и Камель потеряет несколько часов. Поэтому ему пришлось ждать до прихода полицейского.

Он беззвучно проскользнул через прихожую. В кухне слабый свет маленькой лампочки делал обстановку опасной. Камель пожалел,

что не обнаружил лампочку и не выкрутил раньше. Такие мелкие ошибки были непростительны. Нырнув под окно, он выглянул на задний двор. Фергюсона не было видно. Но Камель и без того знал, что его рост 185 см, возраст 61 год и что, страдая катарактой, полицейский вряд ли мог попасть в слона из своего «магнума».

Оба они посапывали во сне. С улыбкой на лице Камель вышел и быстро достал из-за повязки на запястье автоматический пистолет 22-го калибра и глушитель к нему. Привинтив десятисантиметровую трубку к стволу, он нырнул в темноту спальни. Фредерик распластался в кресле, разбросав во сне руки и ноги. Рот его был открыт. Камель приставил обрез глушителя к его виску и трижды нажал на спуск. Руки и ноги Фредерика дернулись, но глаза остались закрытыми. Камель протянул руку с пистолетом к сморщенной и бледной голове судьи Абрахама Розенберга и вогнал в нее три пули.

Окон в спальне не было. Он наблюдал за телами и прислушивался еще минуту. Пятки Фредерика шевельнулись несколько раз и затихли. Тела были неподвижны.

Он хотел убить Фергюсона в доме. На часах было десять одиннадцать, как раз то время, когда сосед выходил перед сном на прогулку с собакой. Пробравшись в потемках к задней двери, он обнаружил полицейского, прогуливающегося вдоль деревянного забора в шести метрах от входа. Действуя инстинктивно, Камель распахнул дверь, включил свет в патио и сказал громко: «Фергюсон».

Дверь осталась открытой, а сам он спрятался в темном углу рядом с холодильником. Фергюсон покорно побрел через патио в кухню. В этом не было ничего необычного. Фредерик часто звал его, после того как его честь засыпал. Они пили растворимый кофе и играли в джинрумми.

В этот раз кофе не было и Фредерик не ждал его. Камель выпустил три пули ему в затылок, и он с грохотом упал на кухонный стол.

Камель выключил свет в патио и свинтил глушитель. Он ему больше не понадобится. Засунув пистолет и глушитель за напульсник, ночной гость выглянул в окно. В машине горел свет, а сами агенты были заняты чтением. Он переступил через тело Фергюсона, запер черный ход и исчез в темноте заднего дворика. Беззвучно перепрыгнув через пару заборов, он оказался на улице и начал пробежку. Камель-джоггер.

Глен Джейнсен сидел в одиночестве на темном балконе кинотеатра «Монтроуз» и наблюдал за обнаженным и довольно активным мужчиной на экране внизу. Он ел воздушную кукурузу из большой коробки и не замечал ничего, кроме тел. Одет он был достаточно консервативно: шерстяная кофта цвета морской волны, фланелевые брюки, мокасины. Большие солнечные очки скрывали глаза, голову покрывала мягкая фетровая шляпа. Слава Богу, что он наделен незапоминающимся лицом, а в камуфляже его вообще невозможно узнать, особенно на безлюдном балконе полупустого порнотеатра в полночь. Никаких серег, цветастых платков, золотых цепочек и прочих украшений, что могло бы указывать на поиски партнера. Он хотел оставаться в тени. Эта игра в прятки с ФБР и всем остальным миром стала настоящей морокой. В этот вечер они, как всегда, расположились на стоянке у его дома. Другая пара припарковалась у черного хода. Позволив им просидеть четыре с половиной часа, он переоделся и проследовал с беззаботным видом в подвальный гараж, откуда уехал на автомобиле своего приятеля. В здании было слишком много выходов, чтобы бедные фэбээровцы могли засечь его. Он сочувствовал им до некоторой степени, но он должен жить своей жизнью. Если фэбээровцы не могли обнаружить его, то как сделает это убийца?

Балкон был разделен на три небольшие части по шесть рядов в каждой. Здесь было очень темно. Сюда падал лишь слабый свет от луча проектора, стоявшего сзади. Поломаные кресла и складные

столики были свалены за последними рядами. Полосы вельветовой драпировки спускались со стен. Здесь можно было легко спрятаться.

Раньше он очень боялся оказаться обнаруженным. В течение нескольких месяцев после его утверждения в должности страх был парализующим. Он не мог есть свой попкорн и наслаждаться картинами. Он говорил себе, что, если его схватят или узнают, он скажет, что занимался изучением предмета в связи с предстоящим делом о непристойном поведении. Одно из таких дел всегда лежало у него на столе, и, возможно, ему поверят. Такое оправдание может сработать, твердил он себе и становился смелее. Но однажды ночью в 1990 году кинотеатр загорелся, и четверо из присутствовавших погибли. Их имена попали в газеты и вызвали большой шум. Случилось так, что судья Глен Джейнсен находился в туалете, когда поднялся шум и запахло дымом. Он бросился на улицу и скрылся. Все мертвые были обнаружены на балконе. Одного из них он знал. После этого ему на пару месяцев пришлось отказаться от фильмов, но вскоре он вернулся к этому занятию вновь, сказав себе, что ему нужны дальнейшие исследования. Да и что случится, если его поймут? Назначение было пожизненным. Избиратели отозвать его не могли.

Ему нравился «Монтроуз», потому что по вторникам фильмы в нем шли всю ночь, а посетителей было мало. Он любил попкорн, да и разливное пиво стоило здесь всего пятьдесят центов.

Два старика в центральной секции щупали и ласкали друг друга. Джейнсен время от времени поглядывал на них, одновременно внимательно следя за происходящим на экране. «Какой ужас, – думал он, – в семьдесят лет, на пороге смерти, быть вынужденным спасаться от СПИДа и искать счастье на грязном балконе».

Вскоре на балконе к ним присоединился четвертый. Взглянув на Джейнсена и двух приклеившихся друг к другу стариков, он тихо прошел со своим пивом и попкорном на верхний ряд центральной секции. Кинопроекторная находилась сразу за ним. Справа, тремя рядами ниже его, сидел Джейнсен. Прямо перед ним целовались,

перешептывались и хихикали престарелые любовники, забывшие обо всем на свете.

Он был одет как подобает. Джинсы в обтяжку, черная шелковая рубашка, серьги, темные очки в роговой оправе, аккуратно подстриженные волосы и усы, как у завсегдатя этого заведения. Камель-гомосексуалист.

Он подождал несколько минут, затем переместился вправо и сел у прохода. Какая разница, где ему сидеть?

В двадцать минут первого старики выдохлись. Они встали и, держась за руки, на цыпочках пошли к выходу, все еще перешептываясь и хихикая. Джейнсен даже не посмотрел в их сторону. Он был полностью поглощен разыгравшейся на экране массовой оргией, происходившей на яхте во время шторма. Камель по-кошачьи двинулся по проходу и сел через три ряда за судьей. Тот потягивал пиво. Они были одни. Подождав с минуту, Камель быстро сместился по ряду. Джейнсен был в двух метрах перед ним.

По мере усиления шторма оргия на экране достигла апогея. Рев ветра и крики участников заполнили маленький кинотеатр. Камель поставил пиво и попкорн на пол и вытащил из-за пояса метровый шнурок из желтого нейлона. Накрутив его концы на обе руки, он перешагнул через передний ряд кресел. Его жертва тяжело дышала. Коробка с кукурузой в ее руках тряслась.

Нападение было молниеносным и жестоким. Набросив петлю на горло, Камель сильно потянул концы шнура в разные стороны. Затем резко дернул вниз и прижал голову к спинке кресла. Шея жертвы не выдержала и сломалась. Связав шнур узлом на шее и просунув под него пятнадцатисантиметровый стальной прут, он стал накручивать его, пока из разорванной плоти не потекла кровь. Все было кончено за десять секунд.

Внезапно шторм закончился, и на экране в честь этого началась другая оргия. Тело Джейнсена сползло в кресле. Его попкорн был рассыпан у ног. Камель был не из тех, кто восхищается своими

деяниями. Он спустился с балкона, прошел со скучающим видом мимо полок с журналами в холле и исчез на улице.

Доехав на стандартном белом «форде» с коннектикутскими номерами до Далласа, он переоделся в туалете и стал ждать парижский рейс.

Глава 4

Первая леди находилась на Западном побережье, посещая тысячедолларовые завтраки, на которых богачи и снобы выкладывали бешеные деньги за холодные яйца, дешевое шампанское и возможность увидеть, а может быть, сфотографироваться с королевой, как ее называли. Поэтому президент спал один, когда зазвонил телефон. В прошлом он подумывал о том, чтобы завести любовницу, как это было принято у американских президентов. Но теперь это выглядело бы не пореспубликански. К тому же он был старым и уставшим. Он часто спал один, в то время как «королева» находилась в Белом доме. Сон у него был крепкий. Телефон прозвонил двенадцать раз, прежде чем он услышал его. Он взял трубку и уставился на часы. Четыре тридцать утра. Вслушавшись в голос, вскочил на ноги и через восемь минут был в Овальном кабинете, не приняв душа и не повязав галстука. Он уставился на Флетчера Коула, своего начальника штаба, и сел, как ему полагалось, за свой стол.

Коул улыбался. Его безупречные зубы и лысина сияли. Всего тридцать семь лет. Он был чудо-мальчиком, который четырьмя годами раньше спас провалившуюся избирательную кампанию и усадил своего босса в Белый дом. Будучи хитрым интриганом и мерзким прихвостнем, он шел по трупам, пока не стал вторым лицом в руководстве. Многие относились к нему как к подлинному боссу. Одно только упоминание его имени приводило в ужас мелких чиновников.

– Что случилось? – медленно спросил президент.

Коул расхаживал перед президентским столом.

– Подробности не известны. Два агента ФБР обнаружили Розенберга около часа ночи. Мертвым в постели. Его сиделка и полицейский Верховного суда также были убиты. Все трое убиты выстрелами в голову. Сработано очень чисто. Пока ФБР и окружная

полиция Колумбии вели расследование, поступило сообщение, что Джейнсен найден мертвым в клубе гомосексуалистов. Они обнаружили его пару часов назад. Войлз позвонил мне в четыре, и я перезвонил вам. Он и Глински будут с минуты на минуту.

– Глински?

– ЦРУ должно подключиться, хотя бы для начала.

Президент закинул руки за голову и потянулся.

– Розенберг мертв...

– Да, вполне. Я советую выступить с обращением к нации через пару часов. Мэбри работает над проектом обращения. Я доработаю его. Давайте подождем с этим до рассвета, хотя бы до семи часов. В противном случае будет слишком рано и мы потеряем большую часть слушателей.

– Пресса...

– Да, они уже принялись за это дело. Телевизионщики засняли бригаду «скорой помощи», отвозившую Джейнсена в морг.

– Я не знал, что он гомик.

– Теперь в этом нет сомнений. Это настоящий кризис, господин президент. Подумайте об этом. Создали его не мы. Не мы в нем виноваты. Никто не сможет обвинить нас. А нация будет шокирована настолько, что ей придется проявить некоторую солидарность с нами. Это как раз то время, когда народ объединяется вокруг своего лидера. Это просто здорово. Беспроигрышный вариант.

Президент отхлебнул кофе из чашки и уставился в бумаги на столе.

– И я проведу перестановки в суде.

– Это самое лучшее. Они станут вашим наследством. Я уже позвонил Дюваллю в юридический комитет и дал ему указание связаться с Хортоном и начать составлять предварительный список кандидатов. Хортон выступал вчера в Омахе, сейчас он летит сюда. Я предлагаю встретиться с ним сегодня утром.

Президент кивал, как всегда, в знак согласия с предложениями Коула. Детальную проработку вопросов он оставлял Коулу, поскольку

сам никогда не отличался скрупулезностью.

– Есть подозреваемые?

– Еще нет. Впрочем, я не знаю. Я сказал Войлзу, что вам понадобится информация, когда он прибудет.

– Я думал, что ФБР занимается безопасностью Верховного суда.

Коул усмехнулся:

– Да, занимается. Это камешек в огород Войлза, и довольно неприятный.

– Прекрасно. Я хочу, чтобы Войлз получил свое. Позаботьтесь о прессе. Мне нужно видеть его униженным. Потом мы, возможно, дадим ему пинка под зад.

Коулу понравилась эта мысль. Он перестал ходить и сделал пометку в своем блокноте. Охранник постучал в дверь и отворил ее. Вошли Войлз и Глински. Когда все четверо пожали друг другу руки, настроение в кабинете вдруг стало мрачным. Вошедшие сели перед столом президента, а Коул, как обычно, встал возле окна, сбоку от президента. Он ненавидел Войлза и Глински, а они, в свою очередь, презирали его. Коул преуспевал на почве ненависти. Он имел возможность наушничать президенту, и это было все, что имело для него значение.

Коул будет молчать несколько минут. В присутствии других важно было позволить президенту взять бразды правления в свои руки.

– Мне очень жаль, что вы здесь, но все равно благодарю, что пришли, – начал президент.

Они мрачно кивнули и покорно приняли эту очевидную ложь.

– Что произошло?

Войлз говорил быстро и по существу. Он описал картину в доме Розенберга, когда были обнаружены тела. Каждый раз сержант в час ночи, в соответствии с установленным порядком, подходил для контроля к агентам, сидящим на улице. Когда Фергюсон не появился, они стали волноваться. Убийства были совершены чисто и профессионально. Он рассказал, что ему было известно о Джейнсене. Перелом шейных позвонков. Удушение. Обнаружен

каким-то типом на балконе. Очевидно, никто ничего не видел. Войлз не был столь резким и уверенным, как обычно. Это был черный день в истории Бюро, и он чувствовал, что начинает припекать. Но он пережил пятерых президентов и наверняка сможет переиграть этого идиота.

– Эти два убийства, очевидно, связаны друг с другом.

– Возможно. Похоже, что так, однако...

– Бросьте, директор. За двести двадцать лет нашей истории было убито четыре президента, два или три кандидата, несколько борцов за гражданские права, пара губернаторов, но еще ни одного судьи Верховного суда. А сейчас, за одну ночь, в течение двух часов сразу два убийства. И вы не уверены, что они связаны?

– Я не говорил этого. Какая-то связь между ними должна быть. Просто дело в том, что методы совершенно различны. И слишком профессиональны. Вы, должно быть, помните, что мы имели тысячи угроз, адресованных судьям.

– Отлично. Тогда кто же ваши подозреваемые?

Никто еще не подвергал Дентона Ф. Войлза перекрестному допросу. Он пристально посмотрел на президента.

– Еще слишком рано подозревать кого-либо конкретно. Мы все еще собираем свидетельства.

– Как убийца проник к Розенбергу?

– Никто не знает. Мы не видели, как он входил, вы понимаете? Вероятно, он какое-то время уже находился там, прячась в клозете или, возможно, на чердаке. К тому же мы не были допущены. Розенберг отказывался впускать нас в свой дом. Дом обычно осматривал Фергюсон во второй половине дня, когда судья возвращался со службы. Пока еще говорить слишком рано, но мы не нашли никаких следов убийцы. Совершенно никаких, кроме трех тел. Результаты баллистической и патологоанатомической экспертизы мы получим сегодня утром.

– Я хочу видеть их, как только они окажутся у вас.

– Хорошо, господин президент.

– Я хочу также иметь к пяти вечера предварительный список подозреваемых. Это вам понятно?

– Конечно, господин президент.

– И мне хотелось бы получить от вас доклад о состоянии системы безопасности и о сбоях в ее работе.

– Вы полагаете, что она дает сбой?

– Мы имеем двух мертвых судей, охрану которых обеспечивало ФБР. Я думаю, американский народ заслуживает того, чтобы знать, что случилось, директор. Да, она дает сбой.

– Должен ли я докладывать вам или американскому народу?

– Вы докладываете мне.

– А затем вы созываете пресс-конференцию и докладываете американскому народу, не так ли?

– Вы что, боитесь общественного разбирательства, директор?

– Ничуть. Розенберг и Джейнсен мертвы потому, что отказались взаимодействовать с нами. Они прекрасно знали о грозящей опасности, тем не менее не побеспокоились о своей безопасности. Остальные семеро взаимодействуют с нами и пока живы.

– Пока. Вы бы лучше проверили. Они у вас мрут как мухи.

Президент улыбнулся, видя, как Коул откровенно потешается над Войлзом. Коул решил, что наступила пора вступать в разговор.

– Директор, вы знали, что Джейнсен ошивается по таким местам?

– Он был пожилым человеком с пожизненным назначением. Если он предпочитал плясать голым на столах, мы не могли помешать ему.

– Да, сэр, – Коул был сама вежливость, – но вы не ответили на мой вопрос.

Войлз глубоко вздохнул и посмотрел в сторону.

– Да. Мы подозревали, что он был гомосексуалистом, и нам было известно, что ему нравились определенные кинотеатры. Но мы не имели ни полномочий, ни желания, господин Коул, разглашать такую информацию.

– Я хочу, чтобы эти доклады были у меня сегодня к полудню, – сказал президент.

Войлз смотрел в окно и молчал. Президент перевел взгляд на директора ЦРУ Роберта Глински:

– Боб, мне нужен честный ответ.

Глински напрягся и нахмурился.

– Да, сэр. Слушаю.

– Я хочу знать: существует ли какая-нибудь связь между этими убийствами и каким бы то ни было правительственным агентством, подразделением или группой в США?

– Да что вы! Вы серьезно, господин президент? Это абсурд.

Глински выглядел шокированным, но президент, Коул и даже Войлз знали, что в ЦРУ в эти дни все было возможно.

– Серьезнее не бывает, Боб.

– Я тоже серьезно. И я заверяю вас: мы не имеем никакого отношения к этому. Я потрясен тем, что вы могли подумать об этом. Это смехотворно.

– Проверьте, Боб. Я хочу быть уверен на сто процентов. Розенберг не верил в национальную безопасность. Он обзавелся тысячами врагов в разведке. Так что проверьте, о'кей?

– О'кей, о'кей.

– И представьте доклад сегодня к пяти.

– Понятно. О'кей. Но это пустая трата времени.

Флетчер Коул придвинулся к столу президента.

– Я предлагаю, джентльмены, встретиться здесь в пять вечера. Это вас устроит?

Оба кивнули и встали со своих мест. Коул молча проводил их до двери и закрыл ее.

– Вы справились с этим просто здорово, – сказал он президенту. – Войлз знает, что он уязвим. Я предчувствую кровь. Мы еще поработаем над ним с помощью прессы.

– Розенберг мертв, – повторил президент, – я просто не могу поверить в это.

– У меня есть идея с телевидением. – Коул вновь расхаживал с важным видом. – Нам надо воспользоваться шоком от этих событий.

Вам следует появиться уставшим, как будто вы не спали всю ночь, пытаясь урегулировать кризис. Правильно? Целая нация будет смотреть, ожидая от вас подробностей и заверений. Я думаю, вы должны надеть что-нибудь теплое и успокаивающее. Пиджак и галстук покажутся в семь утра нарочитыми. Давайте расслабимся немножко.

Президент сосредоточенно слушал.

– Банный халат?

– Пожалуй, нет. А как насчет шерстяной кофты и свободных брюк? Без галстука. С белой рубашкой. Своего рода образ дедушки.

– Ты хочешь, чтобы я в эти часы кризиса обратился к нации в бабушкиной кофте?

– Да, мне нравится это. Коричневая кофта с белой рубашкой.

– Ну я не знаю...

– Образ очень подходящий. Посмотрите, шеф, выборы – через год. Это наш первый кризис за девяносто дней, и какой это прекрасный кризис... Людям нужно видеть вас в чем-нибудь другом, тем более в семь часов утра. Вы должны выглядеть просто, домашнему, но контролирующим ситуацию. Это даст нам пять, а может, десять пунктов в рейтингах. Поверьте мне, шеф.

– Я не люблю кофт.

– Положитесь на меня.

– Ну я не знаю...

Глава 5

Дарби Шоу проснулась в предрассветной полутьме с ощущением похмелья. После пятнадцати месяцев учебы в юридическом колледже ее мозг отвык отдыхать более шести часов в сутки. Она обычно просыпалась до рассвета, и по этой причине ей не спалось с Каллаганом. С сексом все было даже очень в порядке, а вот сон ее походил на сплошное перетягивание каната, в качестве которого служили подушки и простыни. Она некоторое время смотрела в потолок и прислушивалась к резкому похрапыванию Каллагана в пьяном забытьи. Простыни были перекручены, как канаты, вокруг его колен. Она была ничем не укрыта, но холода не чувствовала. Ночи в октябре в Новом Орлеане все еще были теплыми и даже душными. Влажный воздух поднимался снизу с Дофин-стрит и проникал в спальню через открытую балконную дверь. Он нес с собой первые потоки утреннего света. Дарби встала в дверях и накинула на себя махровый халат. Солнце показалось из-за горизонта, но улица все еще пребывала во мраке. Утренние рассветы проходят незамеченными во Французском квартале. Во рту у нее было сухо.

Внизу на кухне Дарби заварила крепкий французский кофе с цикорием. Голубые цифры на таймере микроволновой печи показывали без десяти шесть. Для малопьющей Дарби жизнь с Каллаганом превратилась в постоянную борьбу. Ее пределом было три фужера вина. Не имея ни диплома юриста, ни работы, она не могла позволить себе напиваться каждый вечер и спать допоздна. Кроме того, она весила 50 кг и хотела удержаться на этой отметке. У него же не было пределов.

Она выпила три стакана ледяной воды и перелила кофе в высокую кружку. Поднявшись по ступенькам, включила свет и прилегла обратно в постель. Щелкнув пультом дистанционного управления, Дарби вдруг увидела на экране президента, сидящего за рабочим

столом в несколько непривычной для него коричневой кофте, без галстука. Это был специальный выпуск новостей Эн-би-си.

– Томас! – Она шлепнула его по плечу.

Никакой реакции.

– Томас, проснись!

Она нажала на кнопку, и звук увеличился до предела. Президент пожелал доброго утра.

– Томас! – Она прильнула к экрану телевизора.

Каллаган выпутался из простыней и сел, протирая глаза и пытаясь сосредоточиться. Дарби протянула ему кофе.

У президента были плохие новости. Его глаза казались уставшими, а вид печальным, но в голосе сквозила уверенность. Перед ним лежали записи, но он ими не пользовался. Он смотрел прямо в камеру и сообщал американскому народу о трагических событиях прошлой ночи.

– Какого черта, – пробурчал Каллаган.

После сообщения о кончинах, президент стал произносить цветистую траурную речь по поводу смерти Абрахама Розенберга. Он называл его «вечно живой легендой». Это было большой натяжкой, но строгое выражение лица президента не менялось, когда он восхвалял жизненный путь одного из самых ненавистных людей в Америке.

Каллаган изумленно уставился на экран. Дарби не отводила от телевизора взгляда.

– Это очень любопытно, – сказала она, застыв на краю кровати. – Он объяснил, что у него состоялось совещание с директорами ФБР и ЦРУ и что они считают эти два убийства взаимосвязанными. Он приказал провести немедленное и тщательное расследование, виновные предстанут перед судом.

Каллаган накрылся простыней. Он щурил глаза и приглаживал пятерней свои взъерошенные волосы.

– Розенберг? Убит? – бормотал он, уставившись на экран.

Его затуманенная голова мгновенно прояснилась, а сидевшая в ней боль отступила.

– Обрати внимание на кофту, – сказала Дарби, отхлебнув кофе и разглядывая розовое лицо с толстым слоем грима и тщательно уложенную прическу. Он был редкий симпатяга с проникновенным голосом. За счет этого он здорово преуспел в политике. Морщин на его лбу прибавилось, как прибавилось горечи во всем его облике, когда он заговорил о своем близком друге – судье Глене Джейнсене.

– В кинотеатре «Монтроуз», в полночь, – повторил Каллаган.

– Где это? – спросила она, поскольку Каллаган заканчивал школу в Джорджтауне.

– Я не уверен, но мне кажется, что это в квартале гомиков.

– Он был гомиком?

– До меня доходили слухи. Очевидно.

Они сидели на краю кровати, прикрыв ноги простынями. Президент объявил в стране неделю национального траура. Флаги приспустить. В федеральных учреждениях приостановить работу. Он проговорил несвязно еще несколько минут с таким же скорбным и даже убитым видом, но все же оставаясь тем не менее президентом, вполне контролирующим обстановку. Закончив, он изобразил на лице отеческую улыбку, свидетельствовавшую о полном доверии, мудрости и уверенности.

Паузы заполнял репортер Эн-би-си из Белого дома. Полиция молчит. Похоже, что подозреваемых пока нет, как нет и улики. Да, оба судьи находились под охраной ФБР, которое никак не комментирует это. Да, «Монтроуз» – это место, которое часто посещают гомосексуалисты. Да, в адрес обоих поступало много угроз, особенно это касалось Розенберга. И по этому делу может быть очень много подозреваемых, пока оно не будет окончательно раскрыто.

Каллаган выключил телевизор и прошел к балконной двери, где воздуха было больше.

– Нет подозреваемых, – бормотал он.

– Я могу назвать не меньше двадцати, – сказала Дарби.

– Да, но почему такое сочетание? С Розенбергом все понятно, но почему Джейнсен? Почему не Макдауэлл или Йонт, оба гораздо более последовательные либералы, чем Джейнсен? Это не имеет смысла.

Каллаган сел на плетеный стул возле двери и взъерошил свои волосы.

– Я принесу тебе еще кофе, – сказала Дарби.

– Нет, нет. Я уже проснулся.

– Как твоя голова?

– Отлично, если бы я поспал еще часа три. Думаю, я отменю занятия. У меня нет настроения.

– Здорово.

– Черт, я не могу поверить в это. Этот кретин имеет право выдвинуть двух кандидатов. Это значит, что восемь из девяти будут ставленниками республиканцев.

– Они должны будут сначала пройти утверждение.

– Мы не узнаем конституцию через десять лет. Это отвратительно.

– Вот почему они были убиты, Томас. Кто-то или какая-то группа хотят иметь другой суд, такой, в котором было бы абсолютное большинство консерваторов. Выборы в следующем году. Розенбергу был девяносто один год. Маннингу сейчас восемьдесят четыре, Йонту – за семьдесят. Они вскоре могут умереть или протянут еще с десяток лет. Президентом может быть избран демократ. Зачем испытывать судьбу? Убить их сейчас. За год до выборов. В этом есть смысл, кто-то имеет такие намерения.

– Но почему Джейнсен?

– Он кого-то смущал и был, очевидно, легкой целью.

– Да, но он в основном придерживался умеренных позиций и только иногда склонялся влево. К тому же он был назначен на должность республиканцами.

– Ты хочешь «Кровавой Мэри»?

– Хорошая идея. Минутку, я пытаюсь сообразить.

Дарби откинулась на кровати, потягивала кофе и наблюдала, как солнечный свет пробивается через балкон.

– Подумай над этим, Томас. Время вполне подходящее. Перевыборы, выдвижение кандидатов, политика и все такое. Когда вспоминаешь о насилии, радикалах, фанатиках, борцах за чистоту нравов и нации, когда задумываешься о всех тех группировках, которые способны убивать, и о всех тех угрозах в адрес судей, невольно приходишь к мысли, что воспользоваться этим благоприятным моментом и убрать их могла какая-нибудь неизвестная группа заговорщиков.

– И что это за группа?

– Бог ее знает.

– «Подпольная армия»?

– Не такая уж она неизвестная. Они убили судью Фернандеса в Техасе.

– Не пользуются ли они бомбами?

– Да, они специалисты по пластиковым взрывным устройствам.

– Вычеркни их.

– Я не вычеркиваю пока никого. – Дарби встала и поправила на себе халат. – Пойдем, я приготовлю тебе «Кровавую Мэри».

– Только если ты выпьешь со мной.

– Томас, ты профессор. Ты можешь отменить свои занятия, если захочешь. Я же студентка и...

– Я понимаю положение.

– Я больше не могу прогуливать занятия.

– Я провалю тебя на конституционном праве, если ты не будешь прогуливать занятия и напиваться со мной. У меня есть том мнений Розенберга. Давай почитаем их, выпьем «Кровавой Мэри», потом вина, а потом еще что-нибудь. Я уже скучаю по Розенбергу.

– У меня федеральный процессуальный кодекс в девять, и я не могу пропускать его.

– Я намерен позвонить декану и отменить все занятия вообще. Тогда ты выпьешь со мной?

– Нет, Томас. Хватит.

Он спустился вслед за ней на кухню, где были кофе и спиртное.

Глава 6

Продолжая прижимать трубку к плечу, Флетчер Коул ткнул пальцем в кнопку еще одного телефона на столе в Овальном кабинете. Три абонента ждали на линии, напоминая о себе миганием индикаторов. Он медленно ходил перед столом и слушал, одновременно пробегая глазами доклад на двух страничках, поступивший от Хортонна из юридического комитета. Он не обращал никакого внимания на президента, который, полуприсев перед окнами с короткой клюшкой в руках, усиленно тарачился то на желтый мяч, то на медную лунку в трех метрах от него на синем ковре. Коул проворчал что-то в трубку. Его слова не были слышны президенту, который в этот момент слегка ударил по мячу и наблюдал, как тот катится точно в лунку. Лунка клацнула и освободилась от попавшего мяча, отбросив его на метр в сторону. Президент подался вперед к следующему, теперь уже оранжевому мячу. Он поддал по нему точно так же, и тот тоже закатился в лунку. Восьмое попадание кряду. Двадцать семь из тридцати.

– Это был Главный судья Рэнниен, – сказал Коул, бросая трубку. – Он в полном расстройстве чувств и хочет встретиться с вами сегодня после обеда.

– Скажи ему, чтобы записался на прием.

– Я сказал ему, чтобы он был здесь завтра в десять утра. У вас заседание кабинета в десять тридцать и Совета национальной безопасности в одиннадцать.

Не поднимая глаз, президент сжимал клюшку и изучал следующий мяч.

– Я не могу ждать. Как насчет опросов общественного мнения?

Он аккуратно ударил с размаха по мячу и наблюдал за ним.

– Я только что говорил с Нельсоном. Он провел два опроса после полудня. Компьютер сейчас обрабатывает результаты, но он считает, что рейтинг составит около пятидесяти двух или пятидесяти трех.

Игрок в гольф на секунду оторвал взгляд от мяча и улыбнулся, а затем вновь сосредоточился на игре.

– Каков он был на прошлой неделе?

– Сорок четыре. Это благодаря шерстяной кофте без галстука. Как я и говорил.

– Я думал, что сорок пять, – сказал президент, послав желтый мяч точно в лунку.

– Да, вы правы. Сорок пять.

– Это наивысший результат за...

– Одиннадцать месяцев. Мы не поднимались выше пятидесяти со времени инцидента с южнокорейским лайнером в ноябре прошлого года. Этот кризис нам на пользу, шеф. Люди шокированы, хотя многие из них рады уходу Розенберга. И вы находитесь в самой гуще событий. Просто великолепно.

Коул нажал на мигавшую кнопку и взял трубку. Не сказав ни слова, он бросил ее на место, поправил галстук и застегнул пиджак.

– Время пять тридцать, шеф. Войлз и Глински ждут.

Президент ударил по мячу и следил, как тот катится. Мяч прошел в дюйме справа, и он сделал недовольную гримасу.

– Пускай ждут. Давай устроим пресс-конференцию в девять утра. Я возьму Войлза с собой, но не дам ему раскрыть рта. Заставлю его стоять сзади. Я приведу кое-какие дополнительные детали и отвечу на несколько вопросов. Телевидение сразу даст это в эфир, как ты думаешь?

– Конечно. Хорошая идея. Я займусь подготовкой.

Президент снял перчатки для гольфа и швырнул их в угол.

– Пригласи их, – сказал он, аккуратно поставив клюшку к стене и надев ботинки.

Как обычно, он переодевался шесть раз за день и теперь был в двубортном клетчатом костюме с красно-зеленым галстуком в крапинку, составлявшим его кабинетный наряд. Пиджак висел на плечиках у двери. Он сел за стол и сердито уставился в какие-то бумаги. Кивнул Войлзу и Глински при их появлении, однако не встал

и не протянул руки для приветствия. Они сели напротив стола, а Коул остался стоять на своем излюбленном месте, как часовой, которому в любой момент может потребоваться стрелять. Президент сжимал пальцами переносицу, как будто напряжение этого дня обернулось для него мигренью.

– Это был долгий день, господин президент, – сказал Боб Глински, чтобы нарушить холодное молчание.

Войлз смотрел в окно. Коул кивнул, и президент сказал:

– Да, Боб. Очень длинный день. И на ужин у меня сегодня приглашено целое стадо эфиопов, так что давайте покороче. Начнем с тебя, Боб. Кто убил их?

– Я не знаю, господин президент. Но я заверяю вас, что мы тут ни при чем.

– Ты заверяешь меня, Боб? – спросил он почти молитвенно.

Глински воздел свою правую руку над столом.

– Я клянусь. Как на могиле моей матери, клянусь.

Коул самодовольно кивнул, как бы поверив ему и как будто его одобрение значило все.

Президент уставился на Войлза, чья приземистая фигура в громоздком френче занимала все кресло. Директор медленно жевал резинку и презрительно посматривал на президента.

– Результаты баллистической экспертизы, вскрытия?

– Они у меня, – сказал Войлз, открывая свой «дипломат».

– Расскажите в двух словах. Я прочту их потом.

– Пистолет небольшого калибра, вероятно, пять с половиной миллиметров. Как показывают пороховые ожоги у Розенберга и сиделки, стреляли в упор. Про Фергюсона сказать трудно, но выстрелы были сделаны с расстояния не более тридцати сантиметров. Мы не присутствовали в момент стрельбы, вы же понимаете. По три пули в каждую голову. Из головы Розенберга извлечены две, третья обнаружена в его подушке. Похоже, что он и сиделка спали. Пули одного типа, выпущены из одного и того же пистолета, одним и тем же стрелком, очевидно. Подробные

результаты вскрытия готовятся, но они ничего нового не дадут. Причины смерти вполне очевидны.

– Отпечатки пальцев?

– Никаких. Мы все еще ищем, однако уже сейчас ясно, что сработано очень чисто. Представляется, что он не оставил после себя ничего, кроме пуль и трупов.

– Как он проник в дом?

– Видимых следов проникновения нет. Фергюсон осмотрел дом, когда Розенберг прибыл в него, около четырех. Так было заведено. Через два часа он представил рапорт, в котором говорится, что он проверил две спальни, ванную и три туалета наверху, а также каждую комнату внизу и, конечно же, ничего не обнаружил. Отмечается также, что он проверил все окна и двери. В соответствии с указаниями Розенберга наши агенты находились снаружи. По их оценке, осмотр дома у Фергюсона занял от трех до четырех минут. Я подозреваю, что убийца уже ждал, скрываясь в доме, когда судья прибыл и Фергюсон обходил комнаты.

– Почему? – последовал настоятельный вопрос Коула.

Красные глазки Войлза смотрели на президента и игнорировали его оруженосца.

– Этот человек, очевидно, очень талантлив. Он убил судью Верховного суда, возможно, двух, и исчез совершенно бесследно. Профессиональный убийца, я бы сказал. Проникнуть в дом для него не проблема. Как не было для него проблемой ускользнуть от Фергюсона во время его беглой проверки. Он, вероятно, очень терпелив. Он не стал бы рисковать, пытаясь проникнуть в дом, когда в нем находились люди, а вокруг него копы. Я думаю, что он проник в дом где-то около полудня и просто ждал, скорее всего в туалете наверху или, возможно, на чердаке. Мы обнаружили два небольших кусочка чердачной гидроизоляции на полу, под убирающейся лестницей. Это говорит о том, что ею недавно пользовались.

– Совершенно не важно, где он прятался, – сказал президент, – ведь его не нашли.

– Правильно, но вы же понимаете, что нам не было разрешено осматривать дом?

– Я понимаю, что Розенберг мертв. Что насчет Джейнсена?

– Он также мертв. Сломана шея, задушен куском желтого нейлонового шнура, который можно найти в любом хозяйственном магазине. Медицинские эксперты сомневаются, что причиной смерти явился перелом шейных позвонков. Они достаточно уверены, что этой причиной стал шнур. Отпечатки пальцев отсутствуют. Свидетели тоже. Это не то место, где охотно находятся очевидцы, так что мы не надеемся обнаружить кого-либо. Смерть наступила сегодня примерно в двенадцать тридцать после полуночи. Убийства произошли с двухчасовым интервалом.

Президент делал пометки.

– Когда Джейнсен ушел из своей квартиры?

– Не знаю. Нам было поручено находиться на автомобильной стоянке, помните? Мы проследовали за ним до дома. Это было около шести вечера. Затем семь часов наблюдали за зданием, пока не обнаружили его задушенным в интересном заведении. Мы, безусловно, выполняли его требования. Он тайно выехал из здания на автомобиле своего приятеля. Машина обнаружена в двух кварталах от заведения.

Коул сделал два шага вперед, сцепив руки за спиной.

– Директор, вы думаете, что оба убийства совершил один и тот же человек?

– Черт его знает. Тела еще не остыли. Дайте нам время разобраться. Улик с гулькин нос. При отсутствии свидетелей, отпечатков пальцев, следов проникновения нам понадобится время, чтобы склеить воедино то, что мы имеем. Может быть, один и тот же человек, я не знаю. Пока еще слишком рано.

– Действительно, у вас есть чутье, – сказал президент.

Войлз сделал паузу и посмотрел в окно.

– Может быть, один и тот же человек, но тогда он должен быть суперменом. Возможно, двое или трое, но все равно им требовалась

большая помощь. Кто-то снабжал их обширной информацией.

– Например?

– Например, как часто Джейнсен ходит в кино, где он сидит, когда он приходит туда, ходит ли он один, встречается ли он с другом. Такой информацией, которой мы, очевидно, не имели. Возьмем Розенберга. Кто-то должен был знать, что его домик не имел охранной сигнализации, что наших ребят держали снаружи, что Фергюсон прибывал в десять и уходил в шесть и вынужден был сидеть на заднем дворе, что...

– Это все было известно вам, – перебил президент.

– Конечно, известно. Но я заверяю вас, что мы ни с кем не делились.

Президент бросил заговорщицкий взгляд на Коула, который в глубокой задумчивости скреб свой подбородок.

Войлз двинул довольно широким задом и улыбнулся Глински, как бы говоря: «Давай подыграем им!»

– Вы предполагаете заговор, – глубокомысленно сказал Коул, нахмутив брови.

– Ничего подобного я не предполагаю. Я заявляю вам, господин Коул, и вам, господин президент, что да, фактически большое число людей действовало сообща, чтобы убить их. Убийц может быть один или два, но им оказывали большую помощь. Все было сделано слишком быстро, чисто и организовано.

Казалось, что Коул остался доволен его словами. Он выпрямился и вновь сцепил руки за спиной.

– Тогда кто эти заговорщики? – спросил президент. – Кого вы подозреваете?

Войлз дышал глубоко и казался усохшим в своем кресле. Он закрыл «дипломат» и положил у своих ног.

– Мы не имеем главного подозреваемого на данный момент. Все, чем мы располагаем, – это лишь несколько наиболее вероятных кандидатов. И их имена должны храниться в глубокой тайне.

Коул подскочил к нему.

– Конечно, все останется в тайне, – выпалил он, – вы же в Овальном кабинете.

– Я бывал здесь уже много раз. На самом деле я был здесь, еще когда вы под стол пешком ходили, господин Коул. Секреты находят способ, чтобы просачиваться наружу.

– Мне кажется, что утечка происходит у вас, – заявил Коул.

Президент поднял руку:

– Все останется между нами, Дентон. Я даю слово.

Коул отступил назад. Войлз смотрел на президента.

– Сессия суда началась в понедельник, как вам известно, и маньяки находились в городе уже несколько дней. Последние две недели мы отслеживали передвижения различных лиц. Нам известно по меньшей мере об одиннадцати членах «Подпольной армии», которые в течение недели находились в федеральном округе Колумбия. Двоих из них мы допросили сегодня и отпустили. Мы знаем, что эта группировка способна на такое и имеет подобные намерения. Она наш наиболее вероятный кандидат в подозреваемые на сегодня. Завтра может быть по-другому.

На Коула это не произвело впечатления. «Подпольная армия» подозревалась во всем.

– Я слышал о них, – довольно глупо изрек президент.

– О да. Они становятся известными. Мы считаем, что это они убили судью в Техасе. Хотя мы не можем доказать этого. Они большие специалисты по части взрывных устройств. Мы подозреваем их в совершении по меньшей мере сотни взрывов в абортариях, офисах Американского союза борьбы за демократические свободы, порнокинотеатрах и клубах гомосексуалистов по всей стране. Они как раз те люди, которые должны были ненавидеть Розенберга и Джейнсена.

– Другие подозреваемые? – спросил Коул.

– Существует некая арийская группировка под названием «Белое сопротивление», за которой мы ведем наблюдение вот уже два года. Она действует из штатов Айдахо и Орегон. Ее главарь выступил с

речью в Западной Виргинии на прошлой неделе и несколько дней находился там. В понедельник он был отмечен среди демонстрантов у здания Верховного суда. Мы попытаемся поговорить с ним завтра.

– А что эти люди – профессиональные убийцы? – спросил Коул.

– Они не рекламируют это, как вы понимаете. Я сомневаюсь, что какая-либо группировка сама совершила эти убийства. Они просто наняли убийц и спрятали концы в воду.

– Так кто же убийцы? – спросил президент.

– Мы можем никогда не узнать этого, честно говоря.

Президент встал, чтобы размять затекшие ноги. Нелегка ноша президента. Он посмотрел с улыбкой на Войлза.

– У вас трудная задача, – это был голос заботливого отца, согретый теплотой и пониманием, – я не завидую вам. Если возможно, мне бы хотелось ежедневно к пяти часам вечера иметь доклад на двух страничках, отпечатанный через два интервала, о ходе расследования. Если случится какой-либо прорыв, я жду от вас немедленного звонка.

Войлз кивнул, но ничего не сказал.

– Я провожу пресс-конференцию в девять утра, и мне бы хотелось, чтобы вы присутствовали на ней.

Войлз кивнул, но опять ничего не сказал.

Секунды шли, и все молчали. Войлз с шумом поднялся и подтянул пояс на френче.

– О да, мы уходим. У вас эфиопы и все такое.

Он передал заключение баллистической экспертизы и результаты вскрытия Коулу, зная, что президент никогда не будет их читать.

– Спасибо за визит, джентльмены, – сказал президент с теплотой в голосе.

Коул закрыл за ними дверь. Президент быстро схватил клюшку.

– Я не ужинаю с эфиопами, – сказал он, пристально глядя на ковер и желтый мяч.

– Я знаю об этом и уже направил ваши извинения. В эти тяжелые часы кризиса, господин президент, вы должны находиться здесь, в

этом кабинете, окруженный своими советниками и занятый трудной работой.

Президент поддал по мячу, и тот закатился точно в лунку.

– Мне надо поговорить с Хортоном. Эти кандидатуры должны быть безупречными.

– Он представил предварительный список из десяти кандидатов. Кандидатуры вполне приличные.

– Мне нужен молодой белый консерватор, выступающий против аборт, порнографии, гомосексуалистов, контроля за распространением оружия, расовых квот и прочей чепухи.

Он промахнулся и раздраженно сбросил ботинки.

– Мне нужны такие судьи, которые ненавидят наркоманов, преступников и предпочитают смертную казнь. Понимаешь?

Коул звонил по телефону и одновременно кивал в знак согласия со своим боссом. Он подберет нужные кандидатуры и убедит президента.

Льюис К. О. сидел с директором на заднем сиденье неприметного лимузина, отъехавшего от Белого дома и медленно прокладывавшего путь по переполненным в час пик улицам. Войлзу нечего было сказать. В эти первые часы трагедии пресса все еще неистовствовала. Репортеры кружили как воронье. По меньшей мере три комитета в конгрессе объявили о слушаниях и расследованиях по делу об убийствах судей. А тела еще не успели остыть. У политиков кружились головы, и они, расталкивая друг друга, лезли в центр внимания. Одно скандальное заявление следовало за другим. Сенатор Ларкин из Огайо ненавидел Войлза, а Войлз ненавидел сенатора Ларкина из Огайо, поэтому сенатор созвал пресс-конференцию тремя часами ранее и объявил, что его подкомитет немедленно займется расследованием того, как ФБР обеспечивало охрану двух погибших судей. Но у Ларкина была подружка, и довольно юная, а ФБР имело кое-какие фотографии, и Войлз был уверен, что расследование может быть отложено.

– Как президент? – спросил наконец Льюис.

– Который?

– Не Коул, а тот, другой.

– Цветет. Просто цветет, хотя ужасно страдает по поводу Розенберга.

– Надо полагать.

Они ехали молча к зданию Гувера. Ночь предстояла долгая.

– У нас появился новый подозреваемый, – сказал Льюис после затянувшейся паузы.

– Ну-ка, скажи.

– Человек по имени Нельсон Манзи.

Войлз медленно покачал головой:

– Никогда не слышал о нем.

– И я тоже. Это долгая история.

– Изложи мне вкратце.

– Манзи – очень богатый промышленник из Флориды. Шестнадцать лет назад его племянница была изнасилована и убита американцем африканского происхождения по имени Бак Тирон. Девочке было тринадцать. Чрезвычайно зверское изнасилование и убийство. Я избавляю вас от подробностей. Манзи не имел детей и боготворил свою племянницу. Суд над Тироном проходил в Орlando. Его приговорили к смертной казни. Преступника тщательно охраняли, потому что угрозы сыпались отовсюду. Некие евреи – адвокаты крупной нью-йоркской фирмы – без конца строчили всевозможные апелляции, и в 1984 году это дело попало в Верховный суд. Дальше вы догадываетесь: Розенберг возлюбил Тирона и стряпает эту нелепую Пятую поправку о самоинкриминации, чтобы исключить из дела признание, которое подонок сделал через неделю после его ареста. Собственноручное признание Тирона на восьми страницах. Нет признания – нет дела. Далее Розенберг пишет путаное решение, принятое пятью голосами против четырех, и отменяет постановление суда. Чрезвычайно путаное решение. Тирона освобождают из тюрьмы. Через два года

он исчезает и больше не появляется. Ходят слухи, что Манзи заплатил, чтобы Тирона кастрировали, изувечили и скормили акулам. Только слухи, как говорят власти Флориды. Затем, в 1989 году, явный наемный убийца расстреливает главного адвоката Тирона, человека по имени Каплан, возле его квартиры в Манхэттене. Какое совпадение.

– Кто намекнул тебе об этом?

– Два часа назад мне позвонили из Флориды. Они убеждены, что Манзи отвалил кучу денег, чтобы убрать Тирона и его адвоката. Они только не могут доказать это. У них есть анонимный информатор, который говорит, что знает Манзи, и время от времени предоставляет им сведения. Говорит, что Манзи уже несколько лет ведет разговоры об устранении Розенберга. Во Флориде считают, что он слегка сдвинулся после убийства племянницы.

– Какое у него состояние?

– Достаточное. Миллионы. Никто точно не знает. Он очень скрытный. Во Флориде убеждены, что он способен на это.

– Давай проверим. Звучит интересно.

– Я займусь этим сегодня вечером.

– Ты уверен, что тебе надо три сотни агентов на это дело?

Войлз прикурил сигару и опустил стекло.

– Да, может быть, даже сотни четыре. Нам нужно развязаться с этим дельцем, пока пресса не сожрала нас заживо.

– Это будет нелегко. Кроме пуль и шнура, эти парни ничего не оставили после себя.

Войлз выпустил облако дыма в окно.

– Я знаю. Можно сказать, что сработано слишком чисто.

Глава 7

Главный с распушенным галстуком склонился над своим столом. У него был измученный вид. Трое судей и полдюжины клерков сидели в комнате и приглушенно переговаривались. Потрясение и усталость были очевидны. Джейсон Клайн, старший помощник Розенберга, выглядел особенно подавленно. Он сидел на небольшом диванчике и тупо смотрел в пол, пока судья Арчибальд Маннинг, исполнявший теперь обязанности старшего судьи, говорил о протоколе и похоронах. Мать Джейнсена хотела устроить небольшую частную епископальную службу в пятницу в Провиденсе. Сын Розенберга, адвокат по профессии, передал Рэнниену перечень указаний, подготовленных судьей после повторного удара, в котором он выражал желание, чтобы тело его было кремировано после гражданской панихиды, а пепел развеян над резервацией индейцев племени сиу в Южной Дакоте. Хотя Розенберг был евреем, он отказался от веры и объявил себя атеистом. Он хотел упокоиться вместе с индейцами. Рэнниен считал это уместным, но не сказал об этом вслух. В смежном кабинете шесть агентов ФБР пили кофе и нервно перешептывались. За день поступили новые угрозы. Некоторые из них появились сразу же после утреннего обращения президента. Уже наступили сумерки, и подходило время сопровождать оставшихся судей домой. Каждый имел по четыре агента в качестве телохранителей.

Судья Эндрю Макдауэлл, самый молодой из членов суда (61 год), стоял у окна, попыхивая трубкой и наблюдая за уличным движением. Если Джейнсен имел друга в суде, то им был Макдауэлл. Флетчер Коул сообщил Рэнниену, что президент не собирается приходить на похороны и выступать с траурной речью. Никто во внутреннем кабинете тоже не хотел этого. Главный попросил Макдауэлла подготовить несколько слов. Будучи застенчивым человеком, избегавшим выступлений, Макдауэлл крутил свой

галстук-бабочку и пытался представить своего друга на балконе с удавкой вокруг шеи. Это было выше его сил. Член Верховного суда, один из представителей когорты выдающихся юристов, один из избранной девятки, прячется в таком месте, занимаясь просмотром грязных фильмов, и оказывается разоблаченным столь ужасным способом. Какой стыд. Он представил себя стоящим перед толпой в церкви и смотрящим на мать Джейнсена и его семью. В мыслях у всех будет кинотеатр «Монтроуз». Они будут шепотом спрашивать друг друга: «А вы знали, что он был гомосексуалистом?» Похоже, что единственным, кто не знал и не подозревал об этом, был Макдауэлл. Говорить что-либо на похоронах он тоже не хотел.

Судья Бен Туроу (68 лет) был озабочен не столько похоронами, сколько поимкой убийц. Он был федеральным прокурором Миннесоты и делил подозреваемых на тех, кто руководствуется в своих действиях чувством ненависти и мести, и тех, кто пытается повлиять на предстоящие решения. Он дал указание своим помощникам начать поиски.

Туроу ходил по кабинету.

– Мы имеем двадцать семь судебных исполнителей и семь судей, – сказал он, не обращаясь ни к кому в отдельности. – Это очевидно, что у нас будет не много работы в ближайшие две недели и все первоочередные решения будут отложены до тех пор, пока не появится кворум. На это могут уйти месяцы. Я предлагаю задействовать наших помощников, чтобы попытаться раскрыть убийства.

– Мы не полиция, – сказал Маннинг спокойно.

– Можем мы подождать, пока хотя бы пройдут похороны, прежде чем начинать игру в Дика Трейсера? – спросил Макдауэлл, не поворачиваясь от окна.

Туроу, как всегда, проигнорировал их.

– Я возглавлю поиски. Одолжите мне ваших помощников, и я думаю, что через две недели мы будем иметь краткий список подозреваемых на веских основаниях.

– ФБР в состоянии справиться само, Бен, – сказал Главный. – Они не просили у нас помощи.

– Я бы не стал обсуждать способности ФБР, – возразил Туроу. – Вместо того чтобы хандрить, соблюдая официальный траур две недели, мы можем заняться делом и найти этих ублюдков.

– Почему вы так уверены, что сможете решить эту задачу? – спросил Маннинг.

– Я не уверен, что смогу, но я считаю, что попытаться стоит. Наши коллеги были убиты не без причины, и эта причина непосредственно связана с делом или вопросом, которые либо уже рассмотрены, либо ожидают решения суда. Если это месть, то наша задача становится почти неразрешимой. Все, черт возьми, ненавидят нас по той или иной причине. Но если это не месть или ненависть, то тогда, возможно, кому-то хочется иметь в будущем другой состав суда. Вот что интересно. Кто мог убить Эйба и Глена из-за того, как бы они стали голосовать по тому или иному делу в этом году, в следующем или через пять лет? Я хочу, чтобы помощники подняли каждое дело из тех, которые ждут своей очереди в одиннадцати округах.

Судья Макдауэлл покачал головой:

– Ты что, Бен? Это свыше пяти тысяч дел, и только небольшая часть из них окажется в конечном итоге здесь. Это все равно что искать иголку в стоге сена.

Маннинг оставался таким же невозмутимым.

– Послушайте, ребята. Я прослужил с Эйбом Розенбергом тридцать пять лет, и я частенько сам подумывал о том, чтобы пристрелить его. Но я любил его как брата. Его либеральные идеи нашли признание в шестидесятых и семидесятых, но в восьмидесятых они устарели, а сейчас, в девяностых, эти идеи вызывают возмущение. Он стал символом всего неправильного в этой стране. Он был убит, я считаю, одной из праворадикальных экстремистских группировок, и мы можем изучать дела до скончания века и не найти ничего. Это месть, Бен. Чистая и простая.

– А Глен? – спросил Туроу.

– Очевидно, наш друг имел кое-какие странные наклонности. Слухи об этом, должно быть, распространились, и он стал легкой добычей таких группировок. Они ненавидят гомосексуалистов, Бен.

Бен продолжал ходить, по-прежнему не придавая значения словам Маннинга.

– Они ненавидят всех нас, и, если они совершили убийство из чувства ненависти, полиция схватит их.

– Может быть. Но что, если они пошли на это, чтобы получить возможность манипулировать судом? Что, если какая-то группа воспользовалась происходящими в настоящий момент беспорядками и насилием, чтобы устранить двоих из нас и таким образом перекроить состав суда? Я думаю, что это вполне возможно.

Главный кашлянул.

– А я думаю, что мы не будем делать ничего, пока их не похоронят или не развеют прах. Я не говорю тебе «нет», Бен, просто надо подождать несколько дней. Пусть осядет пыль. Те из нас, кто остался в живых, все еще в шоке.

Туроу извинился и вышел из кабинета. Его телохранители последовали за ним.

Судья Маннинг встал, опираясь на трость, и обратился к Главному:

– Я не полечу в Провиденс. Я ненавижу летать и не люблю похорон. Уже недолго осталось до моих собственных, и лишнее напоминание об этом не доставляет мне удовольствия. Я направлю свои соболезнования. Когда вы увидите с семьей, извинитесь, пожалуйста, за меня. Я очень старый человек.

Он вышел вместе с помощником.

– Я думаю, что в словах судьи Туроу есть смысл, – сказал Джейсон Клайн. – Мы по крайней мере должны просмотреть имеющиеся дела, а также те, которые могут поступить к нам из округов. Это долгий путь, но на нем мы можем набрести на что-нибудь.

– Я согласен, – сказал Главный. – Но пока это несколько преждевременно, вы не считаете?

– Да, но мне тем не менее хотелось бы начать.

– Нет. Подождите до понедельника, и вы будете работать вместе с Туроу.

Клайн пожал плечами и, извинившись, покинул кабинет. Два клерка последовали за ним в кабинет Розенберга, где они посидели в темноте, потягивая коньяк, оставшийся после Эйба.

В заваленной бумагами кабине на пятом этаже юридической библиотеки среди пыльных и толстых гроссбухов по юриспруденции Дарби Шоу просматривала распечатку реестра судебных дел Верховного суда. Она пробежала ее дважды, но, несмотря на большую пестроту содержащихся в ней сведений, не нашла того, что ее интересовало. Дело Дьюмонда вызвало общественные беспорядки. Приводилось дело из Нью-Джерси о детской порнографии, дело из Кентукки о педерастии, с десятков апелляций в связи с высшей мерой наказания, с десятков дел о гражданских правах и обычный перечень дел о налогах, зональных тарифах, индейцах и нарушениях антимонопольного законодательства. На компьютере она вывела справки по каждому из дел и дважды прочла их. Составила список возможных подозреваемых и убедилась, что все они известны каждому. Список оказался в корзине для мусора.

Каллаган уверен, что это были арийцы, или нацисты, или куклуксклановцы – кто-нибудь из известных всем доморощенных террористов, какая-нибудь экстремистская банда «бдительных». Скорее всего это были правые экстремисты, считает он. Однако Дарби не была уверена в этом. Группировки непримиримых были слишком откровенны в своих намерениях.

Они угрожали очень часто, бросали слишком много камней, проводили слишком много парадов и столько же произносили речей. Розенберг им был нужен живой, как легкая мишень для пропитанных ненавистью стрел. Розенберг придавал смысл их существованию. Она считала, что это был кто-то другой, гораздо более циничный.

Каллаган сидел в баре на Канал-стрит, уже основательно набравшись, ждал Дарби, хотя она не обещала присоединиться к нему. Она забежала к нему во время ленча и обнаружила его на балконе пьяного, читающего сборник мнений Розенберга. Он решил отменить занятия по конституционному праву на всю неделю, сказав, что теперь, когда его герой мертв, он не сможет больше преподавать этот предмет. Посоветовав ему протрезветь, она ушла.

В самом начале одиннадцатого Дарби спустилась в компьютерную комнату на четвертом этаже библиотеки и села за дисплей. В комнате никого не было. Потыкав по клавишам, она нашла то, что хотела, и вскоре принтер начал страницу за страницей выплевывать апелляции, ожидающие своего решения в одиннадцати федеральных апелляционных судах по всей стране. Через час принтер остановился, и она стала обладательницей распечатки содержания одиннадцати судебных реестров. Дарби отнесла ее назад в свою кабину и водрузила в центре стола, и без того заваленного бумагами. Было начало двенадцатого, и пятый этаж опустел. В узком окне открывался безрадостный вид на автостоянку и деревья внизу.

Она сбросила туфли и проверила педикюр на ногах. Потягивая теплый кофе, Дарби невидящим взглядом смотрела на автостоянку. Прежде всего напрашивалось предположение о том, что убийства совершены одной и той же группой и по одним и тем же мотивам. В противном случае поиски оказывались бесполезными. Второе предположение было сложнее: мотивом являлась не ненависть или месть, а перетасовка судей. Где-то на пути в Верховный суд находилось дело или спорный вопрос, и кто-то хотел, чтобы их рассматривал другой состав судей. Дальше можно было легко предположить, что это дело или вопрос стоили большой кучи денег. Не находя ответа, она листала лежавшую перед ней распечатку до полуночи и ушла лишь тогда, когда библиотека закрылась.

Глава 8

В полдень в среду секретарь принес большой промасленный пакет с горячими сэндвичами с луком в конференц-зал на пятом этаже гуверовского здания. В центре квадратного зала за столом из красного дерева находились двадцать лучших сотрудников ФБР со всех концов страны. Галстуки у всех были распущены, а рукава закатаны. Тонкое облако голубого дыма висело вокруг дешевой казенной люстры в полутора метрах над столом.

Директор Войлз держал речь. Уставший и злой, он курил четвертую с утра сигару и медленно ходил перед экраном у своего конца стола. Половина присутствующих слушала. Другая половина, разобрав кипу документов в центре стола, читала о вскрытиях, лабораторных исследованиях нейлонового шнура, Нельсоне Манзи и о некоторых других предметах, подвергнутых срочному изучению. Отчеты были довольно хилыми.

Специальный агент Эрик Ист внимательно слушал и читал одновременно. Несмотря на всего лишь десятилетний опыт работы, он был блестящим следователем. Шесть часов назад Войлз выбрал его, чтобы поставить во главе расследования. Остальные члены группы были подобраны в течение утра, и сейчас происходило организационное совещание.

То, о чем говорилось, он уже знал. Расследование может продлиться недели, возможно, месяцы. Кроме пуля в количестве девяти штук, шнура и стального прута, использовавшегося для закручивания удавки, других вещественных доказательств не было. Соседи в Джорджтауне ничего не видели. Никаких особенно подозрительных личностей у «Монтроуза». Никаких отпечатков, никаких волокон ткани, ничего. Нужно обладать большим талантом, чтобы убивать так чисто, и большими деньгами, чтобы нанимать такие таланты. Войлз с пессимизмом относился к тому, что им

удастся найти стрелявших, и считал, что сосредоточиться следует на тех, кто нанял их.

Войлз говорил и курил.

– На столе есть справка о некоем Нельсоне Манзи, миллионере из Джексонвилла во Флориде, который якобы угрожал Розенбергу. Власти Флориды убеждены, что Манзи выложил кучу денег, чтобы убить насильника и его адвоката. В справке об этом говорится. Два наших человека говорили с адвокатом Манзи этим утром и были встречены с большой враждебностью. По словам адвоката, Манзи находится за пределами страны и, конечно же, неизвестно, когда вернется назад. Я выделил двадцать человек, чтобы разобраться с ним.

Войлз раскурил потухшую сигару и посмотрел на лежащий перед ним лист бумаги.

– Под четвертым номером значится группа «Белое сопротивление», небольшая кучка командос среднего возраста, за которыми мы наблюдаем около трех лет. У вас есть соответствующая справка. Если на них падает подозрение, то довольно слабое. Они больше горазды бросать зажигательные бомбы и поджигать кресты. Особым искусством и хитростью не отличаются. И, что самое важное, не располагают большими деньгами. Я серьезно сомневаюсь, что они могли нанять таких ловких головорезов, как эти. Тем не менее двадцать человек будут ими заниматься.

Ист развернул тяжелый сэндвич и, понюхав его, отложил в сторону. Кольца лука были холодные. Аппетит у него пропал. Он слушал и делал пометки. Шестой номер в списке был несколько необычный. Психически ненормальный по имени Клинтон Лэйн объявил войну гомосексуалистам. Его единственный сын ушел с семейной фермы в Айове и отправился в Сан-Франциско искать счастья среди гомосексуалистов, но вскоре умер от СПИДа. На Лэйна нашло помрачение, и он сжег контору общества гомосексуалистов в Де-Мойне. Арестованный и осужденный к четырем годам, он совершил в 1989 году побег и до сих пор не пойман. Как

указывалось в справке, он создал широкую сеть контрабанды кокаина и сделал на этом миллионы. Эти деньги он использовал в своей маленькой частной войне против педерастов и лесбиянок. Целых пять лет ФБР пыталось схватить его, но это оказалось невозможным, поскольку он, предположительно, действовал из Мексики. На протяжении многих лет от него шли письма с угрозами конгрессу, Верховному суду и президенту. Войлз не воспринимал Лэйна как серьезного подозреваемого, однако выделил на него шесть человек.

В списке находилось десять имен. От шести до двадцати лучших спецагентов было выделено на каждого из этих подозреваемых. В каждой группе были назначены старшие. Они были обязаны дважды в сутки докладывать обстановку Исту, а он должен был каждое утро и каждый вечер встречаться с директором. Около сотни агентов будут искать следы на улицах города и в его окрестностях.

Войлз заговорил о секретности. Репортеры будут преследовать их как гонимые, поэтому ход расследования должен быть строго засекречен. Только он, директор, будет давать интервью прессе, а уж он найдет способ, чтобы держать язык за зубами.

Войлз сел, и слово взял Льюис К. О., который произнес сбивчивый монолог о похоронах, безопасности и просьбе Главного судьи Рэнниена подключиться к расследованию.

Эрик Ист пил кофе и смотрел на список.

За тридцать четыре года Абрахам Розенберг написал не менее двенадцати сотен судебных решений. Его производительность постоянно приводила в изумление ученых в области конституционного права. Иногда он игнорировал скучные антимонопольные дела и налоговые апелляции, но если вопрос хоть в чем-то был действительно спорным, он хватался за него обеими руками. В своих трудах он излагал решения, принятые большинством, совпадающие и не совпадающие с ними мнения и множество особых мнений. Зачастую его особое мнение было

единственным. По каждому спорному вопросу за тридцать четыре года Розенберг выразил то или иное мнение. Ученые и критики обожали его. Они процветали, публикуя книги, очерки, критические статьи о нем и его деятельности. Дарби обнаружила пять отдельных, добротнo изданных сборников его мнений с предисловиями и аннотациями. Один из них не содержал ничего, кроме его выдающихся особых мнений.

В среду она решила пропустить занятия и уединилась в кабине на пятом этаже библиотеки. Машинные распечатки лежали аккуратно разложенными на полу. Книги Розенберга были раскрыты на нужных страницах и сложены друг на друга.

Причина для убийства существовала. И ею могли быть месть и ненависть, но только в отношении одного Розенберга. А когда в это уравнение дополнительно вводится Джейнсен, месть и ненависть начинают терять смысл. Безусловно, его ненавидели тоже, но он не вызывал столько страстей, как, например, Янг или Маннинг.

Она не нашла никаких критических откликов на труды судьи Глена Джейнсена. За шесть лет он написал всего двадцать восемь судебных решений, принятых большинством, что было наименьшим показателем производительности среди судей. Им было написано также несколько особых и совпадающих мнений, но работал он на редкость непродуктивно. Иногда его работы были ясными и понятными, а иногда путаными и чрезмерно патетическими.

Она изучила мнения Джейнсена и пришла к выводу, что взгляды его резко менялись год от года. В общем, он довольно последовательно защищал права обвиняемых в уголовных преступлениях, но при этом у него было столько отступлений от этого правила, что ученые хватались за голову. В пяти случаях из семи он голосовал в пользу индейцев. Его перу принадлежит резкое решение, направленное на защиту окружающей среды. Обвиняемые в неуплате налогов почти всегда пользовались его поддержкой.

Но мотивов для убийства не находилось. Джейнсен был слишком непоследовательным, чтобы воспринимать его серьезно. По

сравнению с другими судьями он был безвреден.

Дарби допила еще одну чашку кофе и отложила на время свои заметки по Джейнсону. Часы ее лежали в ящике стола, и она не имела представления о времени. Протрезвевший Каллаган хотел поужинать с ней в «Куортере», он ждал звонка Дарби.

Дик Мэбри, нынешний составитель речей и волшебник слова, сидел у стола в Овальном кабинете и наблюдал, как Флетчер Коул и президент читают третий вариант траурной речи, которую президент должен был произнести у могилы судьи Джейнсена. Коул отверг первые два, и Мэбри до сих пор не знал, что им было нужно. Коул предлагал одно, а президенту хотелось чего-то другого. За несколько часов до этого Коул позвонил и отменил траурную речь, поскольку президент не будет присутствовать на похоронах, затем позвонил президент и попросил набросать несколько слов, потому что Джейнсен был его другом и продолжает им оставаться, несмотря на то что оказался гомосексуалистом. Мэбри знал, что Джейнсен не был другом, но его похороны как судьи, павшего от рук убийцы, привлекут к себе всеобщее внимание. Затем позвонил Коул и сказал, что они не уверены, будет ли присутствовать президент, но на всякий случай надо подготовить что-нибудь. Кабинет Мэбри находился в старом административном здании, рядом с Белым домом. Весь день в здании заключались пари, будет ли президент на похоронах известного гомосексуалиста. Каждые трое из четверых считали, что президент не будет присутствовать.

– Гораздо лучше, Дик, – сказал Коул, складывая бумагу.

– Мне тоже нравится, – тут же отозвался президент.

Мэбри обратил внимание, что президент обычно ждал, когда Коул выразит свое мнение по поводу его опусов.

– Я могу попробовать еще, – сказал Мэбри, вставая.

– Нет-нет, – воспротивился Коул, – это как раз то, что нужно.

Очень трогательно. Мне нравится.

Он проводил Мэбри до двери и закрыл ее за ним.

– Что ты думаешь? – спросил президент.

– Давайте отменим это посещение. У меня плохие предчувствия. Было бы неплохо оказаться в центре внимания средств массовой информации, но вы ведь будете произносить эти трогательные слова над телом, найденным в порноклубе гомосексуалистов. Это слишком рискованно.

– Да, я думаю, ты...

– Это наш кризис, шеф. Рейтинг продолжает повышаться, и я не хочу испытывать судьбу.

– Следует ли нам послать кого-нибудь?

– Конечно. Как насчет вице-президента?

– А где он?

– На пути из Гватемалы. Будет сегодня вечером. – Коул вдруг ухмыльнулся. – Это подходящее занятие для вице-президента. Похороны гомосексуалиста.

– Вполне, – довольно хихикнул президент.

Коул перестал улыбаться и начал ходить по кабинету.

– Небольшая проблема. Панихида по Розенбергу состоится в субботу всего в нескольких кварталах отсюда.

– Я бы предпочел пересидеть этот день даже в аду.

– Я знаю. Но ваше отсутствие будет очень заметным.

– Я могу лечь в «Вальтер-рид» с приступом радикулита. Это срабатывало прежде.

– Нет, шеф. Перевыборы в следующем году. Вам следует держаться подальше от больниц.

Президент хлопнул обеими руками по столу и встал.

– Черт возьми, Флетчер! Я не могу идти на его панихиду, потому что я не смогу сдержать смех. Его ненавидели девяносто процентов американцев. Им понравится, если я не приду.

– Протокол, шеф. Хорошие манеры. Пресса испепелит вас, если вы не придете. А потом, это не составит для вас труда. Вам не придется говорить ни слова. Просто покажетесь перед камерами, сделав печальный вид. Это займет не больше часа.

Президент держал в руке клюшку и примеривался к удару по оранжевому мячу.

– Тогда мне придется идти на похороны Джейнсена.

– Совершенно верно. Но забудьте о траурной речи.

Президент ударил по мячу.

– Я встречался с ним всего дважды.

– Да, я знаю. Давайте спокойно посетим оба мероприятия и, ничего не сказав, исчезнем.

– Я думаю, ты прав.

Глава 9

Каллаган спал долго и один. Он лег спать рано и трезвым. В третий раз подряд он отменил свои занятия. Была пятница, похороны Розенберга состоятся завтра, и из уважения к своему идолу он не будет преподавать конституционное право, пока прах этого человека не предадут земле.

Он приготовил себе кофе и сел в халате на балконе. Впервые за осень похолодало и температура опустилась до пятнадцати градусов. Суэта внизу на Дофин-стрит стала оживленнее. Он кивнул незнакомой старухе на балконе через улицу. Из стоящего рядом отеля «Бурбон» высыпали туристы со своими путеводителями и фотоаппаратами. Рассвет прошел незаметным во Французском квартале, но к десяти его узкие улицы были полны такси и грузовиков, развозящих продукты и товары.

В эти поздние утренние часы, а их было немало, Каллаган наслаждался своей свободой. Вот уже двадцать лет, как он окончил юридический колледж, и с тех пор большинство его однокашников сидели привязанными по семьдесят часов в неделю на своих юридических «фабриках». Он же протянул только два года на частной практике. Фирма (чудовище с двумя сотнями адвокатов), расположенная в округе Колумбия, наняла его на работу сразу же после окончания колледжа в Джорджтауне и на первые шесть месяцев засадила в тесную клетушку для изложения дел, рассматривавшихся в суде. Затем он был брошен на конвейер для того, чтобы по двенадцать часов в день отвечать на вопросы деклараций о доходах, а требовали от него ставить в счет шестнадцать оплаченных часов. Ему было сказано, что если в течение следующих десяти лет он будет работать за двоих, то годам к тридцати пяти сможет стать компаньоном.

Каллаган хотел пожить еще и после пятидесяти, поэтому он оставил частную адвокатскую практику, получил степень магистра

права и стал профессором. Он спал допоздна, работал по пять часов в день, время от времени пописывал статьи, а основную часть времени посвящал удовольствиям. При отсутствии расходов на семью, которой у него не было, его зарплата в семьдесят тысяч оказалась более чем достаточной для того, чтобы иметь двухэтажный коттедж, «порше» и сколько угодно спиртного. Если умереть придется рано, то это случится от виски, а не от работы. Пришлось кое-чем и пожертвовать. Многие из его приятелей по юридической школе стали компаньонами в крупных фирмах, занимали солидное положение и имели полумиллионные доходы. Их клиентами являются высшие должностные лица из «ИБМ», «Тексако» и «Стейт фарм». Они знают с сенаторами и имеют конторы в Токио и Лондоне. Но он не завидовал им.

Одним из его лучших друзей со времени юридической школы был Гэвин Вереек, также расставшийся с частной практикой и перешедший на государственную службу. Вначале он работал в Управлении гражданских прав министерства юстиции, а затем был переведен в ФБР. Теперь он занимал должность специального советника директора. В понедельник Каллагану предстояло участвовать в конференции профессоров конституционного права в Вашингтоне. Он и Вереек планировали поужинать и хорошенько выпить в этот день вечером.

Каллагану необходимо было позвонить ему и убедиться, что их ужин и пьянка состоятся, а заодно выведать, что у него на уме. Он набрал номер по памяти. Вызов долго ходил по линиям, и через пять минут Гэвин Вереек был у телефона.

– Давай побыстрее, – сказал он.

– Рад слышать твой голос, – проговорил в трубку Каллаган.

– Как дела, Томас?

– Время десять тридцать. Я не одет. Сажу здесь, во Французском квартале, пью кофе и наблюдаю за прохожими на Дофин. А что делаешь ты?

– Что за жизнь! Здесь уже одиннадцать тридцать, а я не уходил из кабинета с тех пор, как они нашли тела во вторник утром.

– Мне просто дурно, Гэвин. Он назначит двух нацистов.

– Конечно, я не могу комментировать такие дела. Но я подозреваю, что ты прав.

– Подозревай мой зад. Ты уже видел список его кандидатур, Гэвин? Вы, ребята, наверное, уже проверяете их биографии, не так ли? Давай, Гэвин, ты можешь сказать мне. Кто в этом списке? Я никогда не проболтаюсь.

– Я тоже не проболтаюсь, Томас. Но я уверяю тебя, что твоего имени там нет.

– Я убит.

– Как подруга?

– Которая?

– Ладно, Томас. Так как она?

– Она красивая, и умная, и мягкая, и нежная, и...

– Продолжай.

– Кто убил их, Гэвин? Я имею право знать. Я налогоплательщик и имею право знать, кто убил их.

– Как теперь ее звать?

– Дарби. Кто убил их и почему?

– Ты всегда мог выбирать имена, Томас. Я помню, ты отвергал женщин только потому, что тебе не нравились их имена. Роскошных, горячих женщин, но с невыразительными именами. Дарби. В этом имени есть что-то эротическое. Что за имя! Когда я увижу ее?

– Я не знаю.

– Она переехала к тебе?

– Не твое собачье дело. Гэвин, послушай, кто это сделал?

– Ты что, не читаешь газет? У нас нет подозреваемых. Ни одного.

– Ну уж мотивы-то вам известны?

– Масса мотивов. Кругом полно ненависти, Томас. Причудливое сочетание, тебе не кажется? Джейнсен никуда не вписывается.

Директор приказал нам изучить предстоящие дела, последние решения, кто как голосовал и прочую чепуху.

– Это здорово, Гэвин. Каждый специалист по конституционному праву сейчас строит из себя детектива и пытается раскрыть эти убийства.

– А ты – нет?

– Нет, я набрался, когда услышал об этом, но сейчас уже трезвый. Подруга, однако, погрузилась в такое же изучение дел, как и вы. Она игнорирует меня.

– Дарби. Какое имя! Откуда она?

– Из Денвера. Мы встречаемся в понедельник?

– Возможно. Войлз хочет, чтобы мы пахали круглые сутки, пока компьютеры не выдадут нам, кто сделал это. Я планирую подключить тебя.

– Благодарю. Я жду от тебя достоверных сведений. Не только слухов.

– Томас, Томас! Ты, как всегда, выуживаешь информацию. А мне, как обычно, нечего сказать тебе.

– Ты напьешься и все расскажешь, Гэвин. Как всегда.

– Почему бы тебе не взять Дарби? Сколько ей лет? Девятнадцать?

– Двадцать четыре, и она не приглашена. Может быть, в другой раз.

– Может быть. Я должен бежать, приятель. Через тридцать минут у меня встреча с директором. Напряжение вокруг такое, что его можно потрогать руками.

Каллаган набрал номер библиотеки колледжа и спросил, видел ли кто-нибудь Дарби Шоу. Никто не видел.

Дарби оставила машину на полупустой стоянке федерального здания в Лафайетте и вошла в конторку клерка на первом этаже. В полдень в пятницу суд не заседал, и в коридорах здания было пусто. Она остановилась у барьера, заглянула в открытое окошко и

подождала. Сонная помощница клерка со значительным видом подошла к окошку.

– Чем могу помочь? – спросила она тоном мелкого чиновника, который меньше всего хотел бы помочь.

Дарби просунула в окошко полоску бумаги:

– Мне необходимо посмотреть это дело.

Помощница бросила быстрый взгляд на название дела и подняла глаза на Дарби.

– Зачем? – спросила она.

– Я не должна объяснять. Это открытое дело, не так ли?

– Наполовину открытое.

Дарби забрала свой листок и сложила его.

– Вы знакомы с Законом о свободе информации?

– Вы адвокат?

– Не нужно быть адвокатом, чтобы посмотреть это дело.

Помощница выдвинула ящик стола и взяла связку ключей. Кивнув головой, она пригласила следовать за ней.

Табличка на двери гласила: «Присяжные заседатели», но в самой комнате не было ни столов, ни стульев. Вдоль стен стояли шкафы и ящики с подшивками дел. Дарби оглядела помещение.

Помощница указала на одну из стен:

– Здесь. Вдоль этой стены. Весь остальной хлам не имеет к этому отношения. В первом деле подшиты все заявления истца и ответчика, а также переписка. В остальных – заключения, вещественные доказательства и материалы судебного разбирательства.

– Когда был суд?

– Прошлым летом. Он продолжался два месяца.

– Где апелляция?

– Еще не подана. Я думаю, что крайний срок – 1 ноября. Вы, случайно, не репортер?

– Нет.

– Хорошо. Как вы, очевидно, знаете, это действительно открытые материалы. Однако судья, ведущий это дело, наложил определенные ограничения. Во-первых, я должна записать вашу фамилию и точное время посещения этой комнаты. Во-вторых, ничего нельзя выносить отсюда. В-третьих, нельзя снимать никакие копии с документов, пока не подана апелляция. В-четвертых, все, что вы берете здесь в руки, должно быть возвращено строго на свое место. Так распорядился судья.

Дарби уставилась на стену с подшивками дел.

– Почему я не могу снимать копии?

– Спросите его честь. Так как вас зовут?

– Дарби Шоу.

Помощница нацарапала ее фамилию в журнале.

– Сколько времени вы будете работать здесь?

– Я не знаю. Часа три-четыре.

– Мы закрываемся в пять. Найдите меня в конторе, когда будете уходить.

Она закрыла дверь, довольная собой.

Дарби достала ящик с заявлениями и начала листать подшивки, делая пометки. Судебный процесс начался семь лет назад между одним истцом и группой из тридцати восьми состоятельных ответчиков, которые совместно пользовались услугами по крайней мере пятнадцати адвокатских фирм по всей стране. Крупных фирм, многие из которых имели сотни адвокатов в десятках адвокатских контор.

Прошло семь лет юридической войны, требовавшей больших расходов, а исход дела оставался далеко не однозначным. Решение суда после ожесточенной тяжбы было только временной победой ответчиков. Вердикт был куплен или добыт каким-то другим незаконным путем, утверждал истец, ходатайствуя о новом судебном разбирательстве. Ящики ходатайств, обвинений и контробвинений. Требования санкций и штрафов потоками неслись с обеих сторон. Бесконечные страницы показаний, раскрывающие

обман и злоупотребления со стороны адвокатов и их клиентов. Один адвокат был мертв. Другой пытался совершить самоубийство, как рассказывал один из однокурсников Дарби, работавший над незначительными деталями этого дела во время суда. Ее приятель подрабатывал летом в качестве клерка в одной крупной фирме в Хьюстоне и кое-что слышал, хотя в подробности таких, как он, не посвящали.

Дарби взяла складной стул и усталилась на подшивки дел. Одни только поиски нужных материалов займут часов пять.

Известность была вредна кинотеатру «Монтроуз». Большинство его посетителей после наступления темноты носили темные солнечные очки и старались побыстрее проскочить в него и так же выскочить. А теперь, когда судья Верховного суда США был найден на его балконе, это место стало знаменитым, любопытные прохожие все время показывали на него пальцами и фотографировали. Большинство завсегдаев перебралось куда-то в другое место. Наиболее смелые ныряли в него, когда улица была пустыня.

Он выглядел совсем как завсегда, когда вошел и платил за вход, не поднимая глаз на кассира. Бейсбольная кепка, черные солнечные очки, джинсы, аккуратная прическа, кожаный пиджак. Он был хорошо замаскирован, но не потому, что был голубым и стыдился показываться в таких местах.

Была полночь. Он поднялся по лестнице, ведущей на балкон, усмехаясь при мысли о Джейнсене с удавкой на шее. Дверь на балкон была заперта. Он сел на место в центральном секторе партера, в стороне от всех.

Он никогда раньше не смотрел порнографические фильмы и после этой ночи больше не собирался делать этого впредь. Это было его третье подобное заведение за последние полтора часа. Он не снимал солнечных очков и старался не смотреть на экран. Не смотреть было трудно, и это раздражало его.

В зале находилось еще пятеро. Через четыре ряда впереди сидели два целующихся и заигрывающих голубка.

Была бы у него в руках бейсбольная бита, он бы прекратил их страдания. Или хороший кусочек желтого шнура.

Промучившись двадцать минут, он собрался уже залезть в карман, когда на его плечо опустилась рука. Мягкая рука. Он воспринял это спокойно.

– Можно посидеть с тобой? – раздался из-за его плеча довольно низкий мужской голос.

– Нет, и можешь убрать свою руку.

Рука двинулась. Прошло несколько секунд, и стало ясно, что просьб больше не будет. Затем мужчина ушел.

Для человека, который терпеть не мог порнографии, это была пытка. Его тошнило. Глянув назад, он осторожно засунул руку в карман кожаного пиджака и достал черную коробочку размером пятнадцать на тринадцать и толщиной семь сантиметров. Положив ее между ногами на пол, он сделал аккуратный разрез скальпелем на сиденье рядом с собой. Затем, оглядываясь по сторонам, засунул коробку между пружинами сиденья так, чтобы в разрезе слегка виднелись только переключатель и трубка.

Закончив, он перевел дыхание. Хотя устройство было изготовлено настоящим профессионалом и гениальным создателем миниатюрных бомб, ему не доставляло удовольствия носить эту чертову штучку на груди в кармане, всего в нескольких сантиметрах от сердца и других жизненно важных органов. Он чувствовал себя неудобно даже сейчас, сидя рядом с ней.

Это была его третья закладка. В эту ночь ему предстояло сделать еще одну – в другом кинотеатре, где показывали старомодную гетеросексуальную порнографию. Ему не терпелось сделать это, поэтому пребывание здесь еще сильнее раздражало его. Посмотрев на двух голубков, которые, отключившись от фильма, с каждой минутой все больше возбуждались, он пожелал им находиться здесь именно в тот момент, когда из маленькой коробочки начнет с

шипением выходить газ и через тридцать секунд появится огненный шар, который превратит в пепел любой предмет, находящийся между экраном и автоматом для приготовления воздушной кукурузы. Ему бы это понравилось.

Но его группа не занималась насилием и выступала против бездумного убийства невинных или незначительных людей. Они совершили всего несколько необходимых убийств. Их специализацией был подрыв сооружений, используемых врагами. Они выбирали легкие объекты. Незащищенные абортарии, офисы Союза борьбы за гражданские свободы и ничего не подозревавшие порно клубы. Сегодня у них был день действий. И ни одного ареста за полтора года.

Часы показывали двенадцать сорок, и ему надо было спешить к машине, стоявшей в четырех кварталах отсюда, за очередной черной коробочкой, чтобы, пройдя еще шесть кварталов, добраться до кинотеатра «Пуссикэт», который закрывается в час тридцать. «Пуссикэт» был восемнадцатым или девятнадцатым по списку, он не помнил точно, но зато хорошо знал, что ровно через три часа и двадцать минут вся сеть грязного кинопроката в округе Колумбия взлетит на воздух. В двадцати двух таких заведениях этой ночью предполагалось установить черные коробочки и в четыре утра, когда все кинотеатры опустеют и закроются, взорвать их. Три кинотеатра, работающие всю ночь, из списка были исключены, потому что их группа не совершала убийств.

Он поправил свои солнечные очки, бросил последний взгляд на сиденье рядом с собой. Судя по разбросанным на полу оберткам и кукурузе, уборка здесь производилась не чаще одного раза в неделю. Вряд ли кто заметит переключатель и трубку, едва видневшиеся из рваной обивки кресла. Он щелкнул переключателем и покинул «Монтроуз».

Глава 10

Эрик Ист никогда прежде не встречался с президентом и не был в Белом доме. Он также никогда не сталкивался с Флетчером Коулом, но знал, что тот ему не понравится.

В семь утра в пятницу он вслед за директором Войлзом и Льюисом К. О. вошел в Овальный кабинет. Улыбок и рукопожатий не было. Войлз представил Иста. Президент кивнул из-за стола, но не встал. Коул что-то читал.

Двадцать порно клубов вспыхнули как факелы в округе Колумбия этой ночью, и многие все еще дымились. Они видели дым над городом из окна лимузина. В притоне под названием «Энджелз» сильно обгорел сторож, и врачи не надеялись на его спасение.

Час назад они получили сообщение о том, что на радиостанцию позвонил неизвестный и заявил, что ответственность за содеянное берет на себя «Подпольная армия», и пообещал устроить такое же в день празднования ея смерти Розенберга.

Президент заговорил первым. Исту он казался уставшим. Это был слишком ранний час для него.

– Сколько всего было взрывов?

– Двадцать здесь, – ответил Войлз, – семнадцать в Балтиморе и еще пятнадцать в Атланте. Похоже, что акция была тщательно скоординирована, поскольку все взрывы произошли ровно в четыре часа утра.

Коул оторвал взгляд от докладной записки.

– Директор, вы верите в то, что это «Подпольная армия»?

– На настоящий момент они единственные, кто заявил о своей ответственности. Похоже на их работу. Вполне возможно, – ответил Войлз, не глядя на Коула.

– В таком случае когда вы собираетесь начать аресты? – спросил президент.

– Как только мы будем иметь достаточные основания, господин президент. Закон есть закон, вы же знаете.

– Я знаю, что эта группировка – ваш главный подозреваемый в убийствах Розенберга и Джейнсена и что вы уверены в совершении ею убийства федерального судьи в Техасе. Она, вероятнее всего, устроила взрывы в пятидесяти двух непристойных заведениях прошлой ночью. Я не понимаю только, почему они взрывают и убивают безнаказанно. Черт возьми, директор, мы в осаде.

Шея Войлза побагровела, но он ничего не сказал, а лишь смотрел в сторону, пока президент произносил свою тираду, уставившись на него. Льюис К. О. откашлялся.

– Господин президент, если разрешите, мы не уверены, что «Подпольная армия» замешана в убийствах Розенберга и Джейнсена. Действительно, у нас нет доказательств ее причастности. Она лишь одна из десятка подозреваемых. Как я уже говорил, убийства были выполнены чрезвычайно чисто, организованно и очень профессионально.

Коул сделал шаг вперед.

– Вы пытаетесь сказать, что понятия не имеете о том, кто убил их, и можете никогда не узнать этого?

– Нет, я хочу сказать другое. Мы найдем их, но для этого потребуется время.

– Какое время? – спросил президент.

Это был вопрос дилетанта, на который трудно было что-либо ответить. Ист сразу же невзлюбил президента за это.

– Месяцы, – сказал Льюис.

– Сколько месяцев?

– Много.

Президент округлил глаза и затряс головой, затем встал и с видом отвращения прошел к окну. Дальше он обращался к окну.

– Я не могу поверить в отсутствие связи между тем, что произошло прошлой ночью, и убийством судей. Я не знаю, может быть, у меня просто паранойя.

Войлз бросил многозначительный взгляд на Льюиса. Паранойя, мания преследования, дебильность, маразм... Директору еще много чего приходило на ум.

Президент продолжал, задумчиво глядя в окно:

– Я просто становлюсь нервным, когда вокруг разгуливают убийцы и рвутся бомбы. И меня можно понять. Президентов не убивали уже больше тридцати лет.

– О, я думаю, вы в безопасности, – сказал Войлз, забавляясь про себя. – Секретные службы держат обстановку под контролем.

– Здорово. Тогда почему я чувствую себя, как будто нахожусь в Бейруте? – пробормотал он в окно.

Коул почувствовал неловкость момента и взял со стола докладную записку. Держа ее в руках, он заговорил, обращаясь к Войлзу, совсем как профессор, читающий лекцию:

– Это краткий список кандидатов в Верховный суд. Здесь восемь фамилий с биографиями каждого. Документ подготовлен министерством юстиции. Мы начали со списка из двадцати имен, затем президент, генеральный прокурор Хортон и я сократили его до восьми. Никто из них даже не подозревает, что рассматривается в качестве кандидата.

Войлз все еще смотрел куда-то в сторону. Президент медленно вернулся к своему столу и взял свой экземпляр записки. Коул продолжал:

– Некоторые из этих кандидатур весьма спорные, и, если в конечном итоге они будут выдвинуты для назначения, нам придется выдержать небольшую войну, чтобы утвердить их в сенате. Нам бы не хотелось начинать ее сейчас, поэтому все должно держаться в секрете.

Войлз внезапно повернулся и уставился на Коула.

– Ты идиот, Коул. Мы это уже проходили, и я могу заверить тебя, что, как только мы начнем проверку этих людей, шило тут же вылезет из мешка. Ты хочешь, чтобы мы как следует порылись в их

прошлом, и при этом рассчитываешь, что все, с кем мы встретимся по этому поводу, будут держать рот на замке. Так не бывает, сынок.

Коул подскочил к Войлзу. Его глаза сверкали.

– Расшиби свой зад в лепешку, но эти имена до их официального выдвижения не должны попасть в прессу. И ты сделаешь это, директор. Ты заткнешь все дыры и не допустишь утечки в прессу, понятно?

Войлз вскочил на ноги и нацелился пальцем на Коула.

– Послушай, осел, тебе нужна эта проверка, ты ее и проводи, а не давай мне кучу бойскаутских приказов.

Льюис встал между ними, а президент вскочил из-за стола. Секунду или две стояла тишина. Затем Коул положил свою записку на стол и отошел на несколько шагов, отводя взгляд в сторону.

Президент теперь играл роль миротворца.

– Садись, Дентон, садись.

Войлз возвратился на свое место, все еще не спуская глаз с Коула. Президент улыбнулся Льюису, и все сели.

– Все мы находимся в большом напряжении, – бархатным голосом произнес президент.

Льюис говорил спокойно:

– Мы проведем обычную проверку по вашим кандидатурам, господин президент, и сделаем это в строгой секретности. Но вы же знаете, мы не можем контролировать каждого, с кем мы говорим.

– Да, господин Льюис, знаю. Но я хочу, чтобы были приняты дополнительные меры предосторожности. Эти люди молоды и будут долго определять и менять облик конституции, даже после моей смерти. Они стоят на твердых консервативных позициях, и пресса съест их заживо. Они не должны иметь за собой никаких пороков и грехов. Никаких наркотиков, незаконных детей, разводов, неуплаты налогов или участия в радикальных студенческих движениях.

– Да, господин президент. Но мы не можем гарантировать полной секретности наших проверок.

– Хотя бы попытайтесь, о'кей?

– Да, сэр, – сказал Льюис и передал записку Эрику Исту.

– Это все? – спросил Войлз.

Президент взглянул на Коула, который стоял у окна и делал вид, что не обращает внимания ни на кого.

– Да, Дентон, это все. Мне бы хотелось, чтобы проверка этих людей была закончена за десять дней. Я хочу, чтобы вы поторопились с этим.

Войлз поднялся со своего места:

– Вы получите результаты через десять дней.

Каллаган был рассержен, когда стучался в дверь квартиры Дарби. Он был охвачен сомнениями и хотел высказать многое из того, что переполняло его. Но при этом существовало что-то другое, чего он хотел гораздо сильнее, чем небольшой ссоры с выпусканием пара. Она избегала его уже четыре дня, играя в детектива и забаррикадировавшись в библиотеке. Она пропускала занятия, не отвечала на его телефонные звонки и, в общем, бросила его в трудную минуту. Но он знал, что, когда она откроет дверь, он будет улыбаться и забудет, что был брошен.

В руках он держал литровую бутылку вина и настоящую пиццу из ресторана «Мама Роза». Это происходило после девяти вечера в субботу. Постучав еще раз, он стал смотреть на аккуратные коттеджи и бунгало, стоящие вдоль улицы. Внутри звякнула цепочка, и он тут же улыбнулся. Чувство заброшенности исчезло.

– Кто там? – спросила она, не снимая цепочки.

– Томас Каллаган, вспоминаешь? Я у твоей двери умоляю меня впустить, и мы вновь будем играть и дружить.

Дверь открылась, и Каллаган сделал шаг внутрь. Она взяла вино и прикоснулась к его щеке.

– Мы все еще друзья? – спросил он.

– Да, Томас. Я была занята.

Он прошел за ней через небольшой кабинет в кухню. На столе находились компьютер и большое количество толстых книг.

– Я звонил. Почему не перезвонила?

– Меня не было дома, – сказала она, выдвигая ящик и доставая штопор.

– У тебя автоответчик. Я разговаривал с ним.

– Ты что, затеваешь ссору, Томас?

Он посмотрел на ее голые ноги.

– Нет! Клянусь, я не сумасшедший. Я обещаю не делать этого.

Пожалуйста, прости, если я кажусь тебе огорченным.

– Перестань.

– Когда мы отправимся в постель?

– Ты не выспался?

– Нет, но... Ладно, Дарби, ведь прошло целых три ночи.

– Пять. Что за пицца?

Она вынула пробку и наполнила два стакана. Каллаган следил за каждым ее движением.

– О, это одна из специальных субботних пицц, куда они бросают все, что предназначалось для помойки. Креветочные хвосты, яйца, рачьи головы. Вино дешевое тоже. У меня трудно с деньгами. К тому же я завтра уезжаю из города и поэтому должен экономить. И поскольку я завтра уезжаю, я подумал, не провести ли мне эту ночь в постели с тобой, чтобы не искушать себя с какой-нибудь заразной женщиной в Вашингтоне. Как ты думаешь?

Дарби открывала коробку с пиццей.

– Похоже на колбасу с перцем.

– Могу ли я рассчитывать лечь с тобой в постель?

– Может быть, позднее. Пей свое вино и давай поболтаем. Мы с тобой давно не беседовали.

– Я беседовал. Я беседовал с твоим автоответчиком целую неделю.

Он взял стакан с вином, и они прошли в кабинет. Дарби включила стерео. Они удобно расположились на диване.

– Давай напьемся, – сказал он.

– Ты такой романтик.

- У меня есть нечто романтическое и для тебя.
- Ты пил целую неделю.
- Нет, не целую, а восемьдесят процентов недели. И в этом виновата ты, потому что избегала меня.
- Что случилось с тобой, Томас?
- Меня лихорадит. Я весь взвинчен, и мне нужна компания, чтобы удержаться на краю. Что ты скажешь?
- Давай напьемся наполовину. – Она отпила вина и положила ноги на его колени.

У него перехватило дыхание.

- Когда твой рейс? – спросила она.

Он пил вино большими глотками.

- В час тридцать. Прямой до Вашингтона. Я должен зарегистрироваться в отеле в пять, а в восемь у нас обед. После этого меня могут вытащить болтаться по улицам в поисках любовных приключений.

Она улыбнулась:

- Хорошо, хорошо. Мы займемся ими через минуту. Но давай сначала поговорим.

Каллаган с облегчением вздохнул.

- Я смогу проговорить десять минут, потом я упаду в обморок.
 - Что у тебя на понедельник?
 - Обычные умопомрачительные дебаты о будущем Пятой поправки, затем комитет составит проект предложенного отчета, который никто не одобрит. Во вторник опять дебаты, еще один отчет, возможно, перебранка или две, затем мы объявим конференцию завершённой и, ничего не добившись, отправимся по домам. Я вернусь во вторник поздно вечером и хочу встретиться с тобой в каком-нибудь очень хорошем ресторане, после которого мы бы могли вернуться ко мне для интеллектуальной беседы и животного секса. Где пицца?
 - Там. Я принесу ее.
- Он гладил ее ноги.

– Не двигайся. Я совершенно не голоден.

– Зачем ты едешь на эти конференции?

– Я участник, и я профессор, а это значит, что я должен встречаться с другими образованными идиотами и принимать резолюции, которые никто не читает. Если я не буду ездить, деканат посчитает, что я не вношу вклад в академическую науку.

Она наполнила стаканы.

– Ты очень нервничаешь, Томас.

– Я знаю. Это была очень тяжелая неделя. Я содрогаюсь при мысли о кучке неандертальцев, переписывающих конституцию. Мы будем жить в полицейском государстве через десять лет. Я ничего не могу поделать с этим, поэтому я, вероятно, запью.

Дарби медленно потягивала вино и наблюдала за ним.

– Я начинаю пьянеть, – сказала она.

– С тобой всегда так. Полтора стакана – и ты начинаешь пасовать. Была бы ты ирландкой, смогла бы пить всю ночь.

– Мой отец был наполовину шотландец.

– Это не совсем то.

Каллаган скрестил ноги на кофейном столике и расслабился. Он нежно гладил ее лодыжки.

– Можно, я покрашу твои ногти?

Она ничего не ответила. Он фетишизировал пальцы ее ног и не меньше двух раз в месяц настаивал, чтобы она позволяла делать ей педикюр ярко-красным лаком. Они видели это в фильме «Булл Дарем», и, хотя он не был таким изящным и трезвым, как Кевин Костнер, ей стала нравиться интимность этого момента.

– Пальчиков сегодня не будет?

– Может быть, позднее. Ты выглядишь таким уставшим.

– Я отдыхаю, весь переполненный, однако, мужской силой, и ты не отделаешься от меня под предлогом того, что я выгляжу усталым.

– Выпей еще вина.

Каллаган выпил и глубже погрузился в диван.

– Итак, мисс Шоу, кто сделал это?

– Профессионалы. Разве ты не читал газет?
– Да, конечно. Но кто стоит за профессиональными убийцами?
– Я не знаю. После случившегося прошлой ночью все сходятся во мнении, что это «Подпольная армия».

– Но ты в этом не убеждена.

– Да. Арестов не было. Я не убеждена.

– И у тебя есть некий таинственный подозреваемый, неизвестный остальному миру.

– У меня был один подозреваемый. Но сейчас у меня уже нет прежней уверенности. Я потратила три дня, отслеживая его, я даже свела все воедино на моем маленьком компьютере и распечатала тоненький предварительный проект краткого изложения дела, но потом все сбросила.

Каллаган уставился на нее:

– Ты хочешь сказать, что пропускала занятия, игнорировала меня, работала круглые сутки, изображая Шерлока Холмса, а теперь все выбросила?

– Оно там, на столе.

– Я не могу поверить в это. Пока я дулся в одиночестве всю неделю, мне казалось, что терплю все это ради стоящего дела. Я знал, что страдаю на благо моей страны, потому что ты в конце концов разгрызешь этот крепкий орешек и сообщишь мне сегодня вечером или на крайний случай завтра, кто сделал это.

– Это невозможно выяснить, по крайней мере юридическим путем. Нет никакого сходства и каких-либо общих следов в этих убийствах. Я чуть не сожгла компьютер в юридической школе.

– Ха! Я говорил тебе об этом. Ты забыла, милая, что я гений конституционного права и я с самого начала знал, что Розенберг и Джейнсен не имели ничего общего, кроме черных мантий и угроз. Нацисты, арийцы, или клановцы, или мафия, или какая-то другая группа убили их потому, что Розенберг – это был Розенберг, а Джейнсен был просто легкой добычей и в некотором смысле смущал их своим поведением.

– Так что же ты не позвонишь в ФБР и не поделишься с ними своим открытием? Я уверена, что они сидят и ждут на телефоне.

– Не сердись. Извини меня. Пожалуйста, прости.

– Ты осел, Томас.

– Да, но ты же любишь меня?

– Я не знаю.

– Мы уже можем лечь в постель? Ты обещала.

– Посмотрим.

Каллаган поставил свой стакан на стол и набросился на нее.

– Хорошо, детка. Я прочту твое изложение дела. А затем мы поговорим об этом. Но сейчас я плохо соображаю, и так будет до тех пор, пока ты не возьмешь мою слабую и трепетную руку в свою и не отведешь меня в свою постель.

– Забудь об этом изложении.

– К черту его, Дарби, пожалуйста.

Она обняла его за шею и притянула к себе. Они слились в долгом и крепком, почти неистовом поцелуе.

Глава 11

Полицейский нажал на кнопку рядом с именем Грэя Грантэма и не отпускал ее двадцать секунд. Затем сделал короткую паузу. Затем еще двадцать секунд. Пауза. Двадцать секунд. Пауза. Двадцать секунд. Ему было смешно, потому что Грантэм был совой и спал, вероятно, не больше трех или четырех часов, а тут этот бесконечный звонок, эхом отдающийся в его прихожей. Он нажал опять и посмотрел на свою патрульную машину, в нарушение правил оставленную на тротуаре под уличным фонарем. Воскресный день только начинался, и улица была пуста. Двадцать секунд. Пауза. Двадцать секунд.

В переговорном устройстве раздался хриплый голос:

– Кто там?

– Полиция! – ответил коп, который был негром и ради смеха подчеркивал это своим произношением.

– Что вам надо? – требовательно спросил Грантэм.

– Может быть, у меня ордер. – Коп едва сдерживал смех.

Голос у Грантэма смягчился и зазвучал почти жалобно.

– Это Клив?

– Да.

– Который час, Клив?

– Почти пять тридцать.

– Должно быть, что-нибудь горяченькое?

– Не знаю. Сержант не сказал. Он велел только разбудить тебя, потому что хочет поговорить.

– Почему ему всегда хочется говорить до рассвета?

– Глупый вопрос, Грантэм.

Последовало недолгое молчание.

– Да, наверное. Я полагаю, он хочет поговорить прямо сейчас?

– Нет, у тебя есть тридцать минут. Он велел быть там в шесть часов.

- Где?
- На Восемнадцатой улице, возле стадиона «Тринидад», есть маленькое кафе. Оно незаметное и безопасное. Сержант любит его.
- Где он откапывает такие места?
- Знаешь, для репортера ты задаешь слишком глупые вопросы. Называется это место «У Гленды», и я советую тебе отправляться туда, иначе ты опоздаешь.
- Ты будешь там?
- Я заскочу, чтобы убедиться, что с вами все в порядке.
- Мне показалось, ты сказал, что там безопасно.
- Безопасно для той части города. Ты сможешь найти это место?
- Да. Я буду там так скоро, как только смогу.
- Желаю удачи, Грантэм.

Сержант был старый, очень черный и с седыми космами, которые торчали у него в разные стороны. Он всегда носил темные солнечные очки и снимал их, только ложась спать, поэтому большинство тех, с кем он работал в западном крыле Белого дома, считали его полуслепым. Голову он держал набок и улыбался, как Рэй Чарлз. Иногда он натыкался на двери и столы, очищая пепельницы и вытирая пыль с мебели. Он ходил медленно и осторожно, как будто считая шаги. Работал усердно, всегда с улыбкой, всегда с готовностью перекинуться добрым словом с тем, кто был охоч до него. В большинстве случаев на него не обращали внимания или относились как к дружелюбному старому и убогому негру-уборщику.

Сержант же мог видеть даже сквозь стены. Его участком было западное крыло, где он производил уборку вот уже тридцать лет. Убирал и слушал, убирал и смотрел. Он прибирал у некоторых ужасно важных персон, которые зачастую были слишком заняты, чтобы следить за своими словами, особенно в присутствии старого и убогого сержанта. Он знал, чьи двери оставались открытыми и чьи стены были тонкими. Он мог исчезать в мгновение ока, а затем

появляться там, где ужасно важные люди не могли его видеть. Большую часть информации он хранил при себе. Но время от времени он становился обладателем сочного куска информации, который мог быть сопоставлен с другими такими же, и сержант принимал решение, что она достойна огласки. Он был очень осторожен. До отставки оставалось три года, и он не хотел рисковать понапрасну.

Никто никогда не подозревал, что сержант тайно поставляет скандальные истории для прессы. В Белом доме всегда находилось достаточно крикунов, которые возводили вину друг на друга. Это было настоящее веселье. Сержант обычно имел беседу с Грантэмом из «Пост», потом с нетерпением ждал появления истории в прессе, а затем слушал вопли, когда летели головы.

Он был безупречным источником и встречался только с Грантэмом. Его сын Клив, полицейский, организовывал встречи, обычно в темное время и в незаметных местах. Сержант был в своих солнечных очках. Грантэм приходил в таких же, надев на голову шляпу или подходящее для этого случая кепи.

Клив обычно сидел с ними и наблюдал за толпой.

Грантэм появился в кафе «У Гленды» в шесть с минутами и прошел к задней кабинке. В заведении находились трое других посетителей. Сама Гленда жарила яичницу на гриле у кассового аппарата. Клив сел на стул так, чтобы видеть ее.

Они обменялись рукопожатием. Для Грантэма стояла приготовленная чашка кофе.

– Прошу прощения за опоздание, – сказал Грантэм.

– Ничего, приятель. Рад тебя видеть.

У сержанта был скрипучий голос, который было трудно понизить до шепота. Впрочем, никто их не слушал.

Грантэм отхлебнул кофе.

– Трудная неделя была в Белом доме?

– Можно сказать, да. Много волнений. Много событий.

– Неужели?

Грантэм не мог делать записи на таких встречах. «Это было бы слишком заметно», – сказал сержант еще тогда, когда определял основные правила их общения.

– Да. Президент и его ребята были обрадованы новостью о судьбе Розенберге. Она сделала их просто счастливыми.

– А как насчет судьи Джейнсена?

– Ну, как ты заметил, президент посетил похороны, но не выступил. Он планировал произнести траурную речь, но передумал, поскольку ему пришлось бы говорить хорошие слова о человеке, который был гомосексуалистом.

– Кто писал траурную речь?

– Составители речей. В основном Мэбри. Работал над ней весь четверг, а затем забросил.

– Значит, президент тоже был на похоронах Розенберга.

– Да, был. Но он не хотел делать этого. Сказал, что предпочел бы в ад, чем на эти похороны. Но под конец сдался и все-таки пошел. Он вполне доволен тем, что Розенберг убит. Во вторник там царило чуть ли не праздничное настроение. Сама судьба протянула ему руку помощи. Ему сейчас не терпится изменить расстановку сил в суде.

Грантэм слушал очень внимательно.

Сержант продолжал:

– У них составлен список кандидатов. В первоначальном виде он включал около двадцати имен, а затем был сокращен до восьми.

– Кто его сокращал?

– Кто бы ты думал? Президент и Флетчер Коул. Их приводит в ужас мысль о возможности утечки этой информации. Очевидно, список не содержит никого, кроме молодых, судей-консерваторов, большинство из которых мало кому известны.

– Какие-либо имена?

– Всего два. Некий человек по имени Прайс из Айдахо и другой по имени Маклоуренс из Вермонта. Вот все имена, что известны мне. Я думаю, оба они – федеральные судьи. Больше ничего.

– Что насчет расследования?

– Я слышал не много, но буду держать нос по ветру, как обычно.

Похоже, что тут мало что происходит.

– Что-нибудь еще?

– Нет. Когда ты поместишь это?

– В утреннем выпуске.

– Вот будет потеха!

– Спасибо, серж.

Солнце уже взошло, и в кафе прибавилось шума. Подошел Клив и сел рядом с отцом.

– Ну что, ребята, закругляетесь?

– Да, – ответил сержант.

Клив посмотрел вокруг.

– Думаю, нам надо уходить. Грантэм идет первым, я – за ним, а папка может оставаться здесь сколько захочет.

– Очень великодушно с твоей стороны, – сказал сержант.

– Благодарю, ребята, – на ходу бросил Грантэм, направляясь к выходу.

Глава 12

Вереек, как всегда, опаздывал. За все двадцать три года их дружбы он никогда не появлялся вовремя и никогда не ограничивался лишь несколькими минутами опоздания. Он не имел представления о времени и не беспокоился о нем. Он носил часы, но никогда не смотрел на них. Опоздать значило для Вереека прийти позднее по меньшей мере на час, иногда на два, особенно когда ждет друг, который знает о его привычках и простит.

Таким образом, Каллаган уже час сидел в баре, что, впрочем, вполне устраивало его. После восьми часов научнообразных дебатов он презирал конституцию и тех, кто преподавал ее. Ему необходимо было выпить, и после двух двойных порций шиваса со льдом он почувствовал себя лучше. Он видел свое отражение в зеркале за рядами спиртного и, всматриваясь в происходящее вдали за спиной, ждал появления Гэвина Вереека. Неудивительно, что его друг не смог пробиться как частный адвокат, у которого жизнь расписана по минутам.

Когда была подана третья двойная порция, через час и одиннадцать минут после назначенного времени, Вереек неспешно подошел к бару и заказал пива.

– Извини, я опоздал, – сказал он, пожимая руку Каллагану. – Я знал, что ты оценишь возможность побыть наедине со своим шивасом.

– Ты выглядишь уставшим, – сказал Каллаган, присмотревшись к нему, – старым и измотанным.

Вереек сильно постарел и прибавил в весе. Его залысины стали на дюйм больше со времени их последней встречи, а на бледном лице сильно выделялись темные круги под глазами.

– Сколько ты вешишь?

– Не твое дело, – сказал он, не отрываясь от бутылки пива. – Где наш столик?

– Он заказан на восемь тридцать. Я полагал, что ты опоздаешь не меньше чем на полтора часа.

– В таком случае я пришел раньше.

– Можно сказать, да. Ты с работы?

– Я теперь живу на работе. Директор намерен выжимать из нас по сто часов в неделю, не меньше, пока что-нибудь не проклюнется. Я сказал жене, что буду дома к Рождеству.

– Как она?

– Прекрасно. Очень терпеливая леди. Мы ладим друг с другом гораздо лучше, когда я на работе.

Она была его третьей женой за семнадцать лет.

– Мне бы хотелось увидеть ее.

– Не стоит. Я женился на первых двух из-за секса, и он им нравился настолько, что они делились им с другими. На этой я женился из-за денег, и тут не на что смотреть. Она не произведет на тебя впечатления.

Он опорожнил бутылку.

– Я сомневаюсь, смогу ли я дотянуть до ее смерти.

– Сколько ей лет?

– Не спрашивай. Я действительно люблю ее, ты знаешь. Честно. Но теперь, после двух лет совместной жизни, я понимаю, что у нас нет ничего общего, кроме обостренной чувствительности к курсу акций на рынке.

Он посмотрел на бармена:

– Еще бутылку пива, пожалуйста.

Каллаган усмехнулся и сделал глоток из своего стакана.

– Сколько она стоит?

– Не совсем столько, как я думал. На самом деле я точно не знаю. Что-нибудь около пяти миллионов, мне кажется. Она рассталась с первым и вторым мужьями, а во мне ее привлекла, я думаю, неизведанная возможность побывать замужем за простым средним американцем. Это, а также секс просто великолепно, как говорит она. Они все говорят это, ты знаешь.

– Ты всегда клевал на таких, Гэвин, даже в юридической школе. Ты привлекаешь неуравновешенных и склонных к депрессии женщин.

– А они привлекают меня.

Он приложился к бутылке и наполовину опустошил ее.

– Почему мы всегда едим в этом месте?

– Не знаю. Это своего рода традиция. Она возвращает нас во времена юридической школы.

– Мы ненавидели ее, Томас. Все ненавидят ее. И все ненавидят адвокатов.

– Хорошенькое же у тебя настроение.

– Извини. Я спал всего шесть часов с тех пор, как они обнаружили трупы. Директор визжит на меня по пять раз на день. Я визжу на всех, кто стоит ниже меня. И все это – один большой свинарник.

– Допивай, старик. Наш столик готов. Давай выпьем, поедим и поговорим. И попытаемся приятно провести эти несколько часов.

– Я люблю тебя больше, чем свою жену, Томас. Ты знаешь об этом?

– Это ни о чем не говорит.

– Ты прав.

Они прошли за метрдотелем к небольшому столику в углу, который они заказывали всегда. Каллаган повторил заказ на спиртное и объяснил, что с едой они не спешат.

– Ты видел эту чертову писанину в «Пост»?

– Да, видел. От кого просочились эти сведения?

– Кто знает. Директор получил список в субботу утром лично из рук президента с совершенно недвусмысленными требованиями в отношении секретности. В последующие дни он не показывал его никому, но тем не менее сегодня утром выходит эта статья с именами Прайса и Маклоуренса. Войлз был вне себя от ярости, когда позвонил президент. Он сорвался в Белый дом, и между ними произошла небольшая драчка. Войлз пытался напасть на Флетчера Коула, но был остановлен Льюисом К. О. Сцена была отвратительная.

Каллаган внимал каждому его слову.

– Это очень хорошо.

– Я рассказываю тебе это для того, чтобы позднее, после нескольких стаканов вина, ты не ждал от меня остальных имен из этого списка. Я стараюсь быть твоим другом, Томас.

– Продолжай.

– В любом случае утечка не могла произойти у нас. Это невозможно. Она должна была произойти в Белом доме. В нем полно людей, которые ненавидят Коула, и все утекает оттуда, как из гнилой трубы.

– Возможно, утечку организовал сам Коул.

– Может быть, и так. Он скользкий ублюдок, и кое-кто считает, что он раскрыл имена Прайса и Маклоуренса для того чтобы напугать всех, а затем уже назвать двух кандидатов, которые покажутся более умеренными. Это похоже на него.

– Я никогда не слышал о Прайсе и Маклоуренсе.

– Ну слушай. Оба они очень молоды, им слегка за тридцать. Мы еще не проверяли их, но они, похоже, являются радикальными консерваторами.

– А остальные в этом списке?

– Ты торопишься. Я пропустил всего два пива, а вопрос уже сорвался у тебя с языка.

Официант принес напитки.

– Я хочу немного грибов с крабами, – сказал ему Вереек, – так, на закуску. Я умираю от голода.

Каллаган передал свой пустой стакан.

– Принесите мой заказ тоже.

– Больше не спрашивай, Томас. Ты можешь вынести меня отсюда часа через три, но я все равно не скажу. Давай договоримся, что Прайс и Маклоуренс являются типичными фигурами для всего списка.

– Все неизвестные личности?

– В основном да.

Каллаган медленно потягивал скотч и качал головой. Вереек скинул пиджак и ослабил галстук:

– Давай поговорим о женщинах.

– Нет.

– Сколько ей лет?

– Двадцать четыре, но очень зрелая.

– Ты мог быть ее отцом.

– Мог. Чем черт не шутит.

– Откуда она?

– Из Денвера. Я уже говорил тебе об этом.

– Я люблю западных девочек. Они такие независимые и нетребовательные. И к тому же склонны носить «Ливайс» и иметь длинные ноги. Я, наверное, женюсь на такой. У нее есть деньги?

– Нет. Ее отец погиб в авиационной катастрофе четыре года назад, и мать получила хорошую компенсацию.

– Тогда у нее есть деньги.

– Ей хватает.

– Надо думать, что хватает. У тебя есть фото?

– Нет. Она не внучка и не пудель.

– Ну почему ты не захватил ее фотографию?

– Я скажу ей, чтобы она прислала тебе одну. Почему это тебя так развлекает?

– Умора. Великий Томас Каллаган, у которого было полно женщин, влюбился по уши.

– Я не влюбился.

– Это, должно быть, рекорд. Сколько уже, девять или десять месяцев? Ты поддерживаешь устойчивые отношения почти год, не так ли?

– Восемь месяцев и три недели, но не говори никому, Гэвин. Это нелегко для меня.

– Твоя тайная жена. Ну, расскажи подробнее. Какой у нее рост?

– Сто семьдесят, пятьдесят четыре килограмма, длинные ноги, джинсы в обтяжку, независимая, без претензий, такая типичная

западная девочка.

– Я должен найти себе такую. Ты собираешься жениться на ней?

– Конечно, нет. Допивай свой стакан.

– Она у тебя одна?

– А у тебя?

– Конечно, нет. Никогда не ограничивался одной. Но мы говорим не обо мне, Томас, мы говорим здесь о Питере Пэне, Каллагане Холодной Руке, человеку с ежемесячно меняющимся представлением о женской красоте. Скажи мне, Томас, но только не лги своему лучшему другу, а просто посмотри мне в глаза и скажи: неужели ты докатился до моногамной связи?

Навалившись на стол всем телом, Вереек смотрел на него во все глаза и глупо улыбался.

– Не так громко, – сказал Каллаган, оглядываясь по сторонам.

– Ответь мне.

– Назови остальные имена из списка, и я отвечу тебе.

Вереек отвалился от стола.

– Прекрасный ход. Я думаю, что твой ответ должен быть утвердительным. Ты влюбился в эту девицу, но не хочешь признаться в этом. Мне кажется, что ты у нее на крючке.

– О'кей, я у нее на крючке. Тебе стало легче?

– Да, намного легче. Когда я смогу увидеть ее?

– Когда я смогу увидеть твою жену?

– Ты запутался, Томас. Это совершенно разные вещи. Ты не хочешь видеть мою жену, я же горю желанием посмотреть на Дарби, понимаешь? Заверяю тебя, они совершенно разные.

Каллаган улыбнулся и отпил из стакана. Развалившись на стуле, Вереек скрестил ноги в проходе и поднес к губам зеленую бутылку.

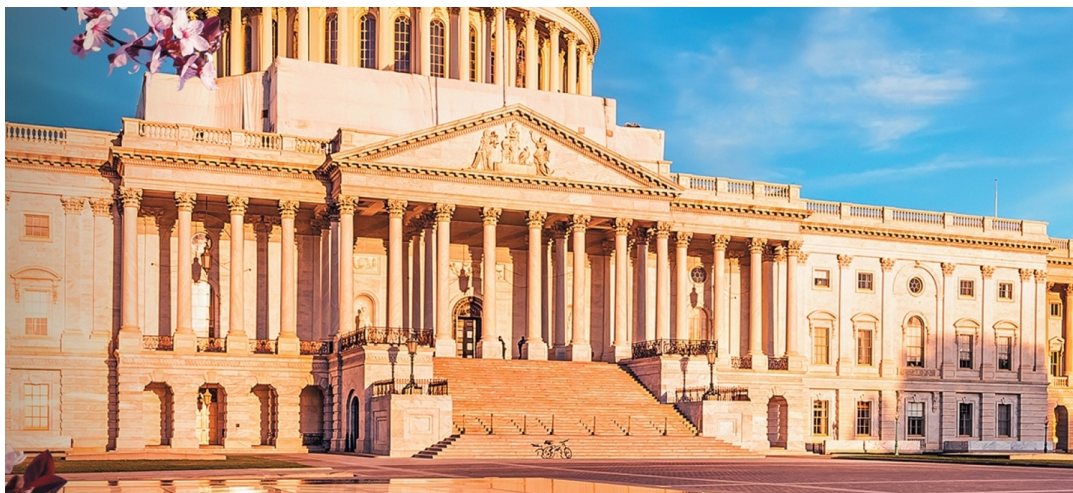
– Ты уже хорош, дружище, – сказал Каллаган.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ДЖОН ГРИШЭМ

ДЕЛО О ПЕЛИКАНАХ

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

